

КРИС ХАММЕР

ВЫСТРЕЛЫ
НА ПУСТОШИ

Детектив – самое лучшее

Крис Хаммер

Выстрелы на пустоши

«Издательство АСТ»

2018

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Сое)-44

Хаммер К.

Выстрелы на пустоши / К. Хаммер — «Издательство АСТ»,
2018 — (Детектив – самое лучшее)

ISBN 978-5-17-117571-9

В маленьком городке, затерянном среди бескрайних пустошей Австралии, произошла трагедия: священник местной церкви убил пятерых человек, а потом и сам погиб от пули полицейского. Что же стало причиной кровавой бойни? В этом решил разобраться известный столичный журналист Мартин Скарсен. Однако едва он приступил к расследованию, как городок потрясло новое преступление – возле запруды обнаружили тела двух неизвестных молодых женщин... Связаны ли между собой это двойное убийство и история священника-«стрелка»? Расследование Мартина приняло новый оборот. Но очень скоро ему становится ясно: кто-то очень не хочет, чтобы правда была раскрыта. Не хочет настолько, что не остановится ни перед чем...

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-117571-9

© Хаммер К., 2018

© Издательство АСТ, 2018

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Риверсенд	7
Глава 2. «Черный пес»	14
Глава 3. Кровавое воскресенье	20
Глава 4. Призраки	26
Глава 5. Равнина	35
Глава 6. Пустошь	41
Глава 7. Дракон	48
Глава 8. Преследователь	57
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Крис Хаммер

Выстрелы на пустоши

Chris Hammer
Scrublands

© Chris Hammer, 2018

© Школа перевода В. Баканова, 2019

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

* * *

Посвящается Хилари

Пролог

С утра ни ветерка. За ночь жара чуть спала, но теперь наваливается вновь. Небо безоблачно и безжалостно, солнце палит нещадно. У пересохшей речки по ту сторону дороги стеной стоит стрекот цикад, однако здесь, у церкви Святого Иакова, тишина.

Скоро одиннадцать, прихожане съезжаются к утренней службе. В тени деревьев припаркованы уже три-четыре машины, их владельцы перешли дорогу и столпились на солнечном церковном дворе, обсуждая цены на скот, нехватку воды на фермах и немилосердную жару. Молодой священник Байрон Свифт еще не переделся для службы и мило болтает со своей пожилой паствой. Все как обычно, ничто не вызывает тревоги.

Подошел Крейг Ландерс, владелец и управляющий универсальным магазином в Риверсенде. Он ехал с приятелями на охоту и остановился перед церковью поговорить со священником. Друзья потянулись следом. Их компанию нечасто увидишь на проповеди. Джерри Торлини жил в Беллингтоне и ни с кем из прихожан не был знаком, поэтому вернулся в свой внедорожник, местные фермеры Том и Альф Ньюкирк, как и Хорри Гровнер, остались пообщаться. Аллен, сын Альфа, ушел к Джерри, со стариками ему неинтересно. Охотничья одежда – странная смесь камуфляжа и светоотражающей ткани – выглядела здесь неуместно, однако никто не делал замечаний.

Священник приблизился к Ландерсу. Они обменялись рукопожатиями и улыбками, перебросились парой слов. Затем Свифт, извинившись, исчез в церкви, чтобы подготовиться к службе.

Ландерсу не терпелось продолжить путь, но Хорри и оба Ньюкирка были поглощены беседой с фермерами, и он направился к углу здания, чтобы подождать в тени.

Внезапно разговоры стихли. Ландерс обернулся и увидел на крыльце Байрона Свифта, уже переодетого в рясу, с распятием на груди, сверкающим в солнечных лучах. В руках у священника появилось оружие – мощная охотничья винтовка с оптическим прицелом. Ландерс не сразу понял, зачем. Он все еще был в замешательстве, когда Свифт вскинул винтовку и невозмутимо выстрелил в Хорри не более чем с пяти метров. Голова Гровнера раскололась в облаке алых брызг, ноги подломились, и он кулем осел на землю.

Оторопелые взгляды прихожан, тишина. Священник выстрелил снова, и упал еще один – Том Ньюкирк. Криков пока не было слышно, но паника уже овладела толпой, и люди бросились в бегство. Прогрохотал новый выстрел, и Ландерс торопливо нырнул за угол церкви. И не остановился, а побежал дальше. Он знал, кого священник хотел убить больше всего.

Глава 1. Риверсенд

Мартин Скарсенд останавливает машину на мосту при въезде в город. Мост в одну полосу, ни обгонов, ни разъездов, построен десятки лет назад из эвкалиптов, которыми поросли берега реки. Длинный и извилистый, он перекинут через всю пойму; пролеты гнутые, доски усохли и гремят, болты шатаются.

Шагнув в свирепый, будто из топки, полуденный зной, Мартин опирается на перила, но солнце раскалило даже древесину. Убрав ладони, он замечает на них налипшую белую краску и оттирает ее влажным полотенцем, которым обернул шею от жары.

Там, где прежде текла река, осталось лишь голое русло, выложенное мозаикой запекшейся глины. Кто-то бросил на берегу старый холодильник, написав на дверце: «Бесплатное пиво», однако несчастным эвкалиптам у реки явно не до шуток – их ветви высохли, лишь редкими клочьями висят серые пожухлые листья.

Сдвинув на лоб солнечные очки, Мартин тут же их опускает, ослепленный ярким светом. Просунув руку в окно машины, глушит мотор. Тишина. От жары все живое попряталось: ни цикад, ни какаду, ворон и тех нет, лишь доски моста жалобно поскрипывают, расширяясь и сжимаясь по прихоти солнца. Ни ветерка, адская погода высасывает из тела влагу, горячо даже через городские туфли с тонкой кожаной подошвой.

В арендованной машине надрывается кондиционер. Съехав с моста, Мартин спускается по главной улице в душную чашу Риверсенда, окаймленную высоким берегом водохранилища. У обочин под одинаковым косым углом припаркованы пикапы, фермерские грузовики и городские седаны – все пыльные и старые.

Едет Мартин медленно, высматривая хоть какой-то намек на жизнь, но с таким же успехом можно двигаться по диораме. Лишь в квартале от реки, где на перекрестке высится колонна-постамент с бронзовым солдатом, на глаза попадает мужчина. Он плетется по тротуару под тенью магазинных навесов – как ни странно, в длинном сером пальто. Плечи сгорблены, рука сжимает коричневый бумажный пакет.

Мартин съезжает на обочину и паркуется под требуемым углом, хоть и не очень аккуратно, чиркнув о бордюр. Морщась, выдергивает ручник, глушит мотор и выходит. Бордюр высотой почти по колено, с расчетом на паводки в сезон дождей, теперь оседлан задним бампером машины. Подумав, не подать ли немного вперед, чтобы сойти с бетонной мели, Мартин решает оставить все как есть: хуже не будет.

Он переходит улицу под тень навеса, однако незнакомца в пальто уже и след простыл. Вокруг ни души. На стеклянной двери ближайшего магазина изнутри висит табличка с надписью от руки: «У Матильды. Комиссионка и антиквариат. Одежда секонд-хенд, безделушки и сувениры. Работаем по утрам во вторник и четверг». Сейчас, в понедельник, понятно, закрыто. В витрине – черное с бисером вечернее платье на старом портновском манекене; выше на деревянных плечиках – потрепанный твидовый пиджак с кожаными заплатами на рукавах; яркая, вырви глаз, оранжевая спецовка висит на спинке стула. Бак из нержавейки полон разномастных пыльных зонтиков. На стене реклама: женщина в цельном купальнике нежится на пляжном полотенце, а волны лижут песок за ее спиной. «В Мэнли к морю и прибою», – зовет плакат; висит он давно, и солнце Риверайны¹ размыло краски купальника и золото песка бледной акварельной голубизной. Понизу витрины выставлена рядком обувь: туфли для боулинга и гольфа, поношенные сапоги для верховой езды и пара грубых коричневых башмаков, отполированных до блеска. Повсюду, словно конфетти, рассыпаны трупики мух. Не иначе и обувь тоже от покойников.

¹ Риверайна – аграрный регион на юго-западе Австралии. (Здесь и далее – примеч. пер.).

В соседней витрине черно-желтый знак: «Сдается». На стекле еще просматриваются следы соскобленной надписи: «Модные стрижки». Внутри пусто. Мартин достает телефон и делает несколько фото для будущей статьи.

Дальше – обшитый сайдингом фасад с двумя заколоченными окошками. На двери – порывевшая цепь с навесным замком, которая висит тут, похоже, целую вечность. Дверь с цепью надо снять крупным планом.

Пересекая улицу обратно, он снова ощущает сквозь подошвы жар. Солнце растопило асфальт, Мартин вынужден обходить битумные лужицы. Вернувшись на тротуар под спасительную тень навеса, он с удивлением обнаруживает перед собой витрину книжного, совсем рядом со своей машиной. С тента свисает длинная покоробленная доска с вырезанной надписью «Оазис. Книжный магазин и кафе».

Книжный, надо же! Как раз не взял из дома ничего почитать, даже в голову не пришло. Редактор Макс Фуллер, осененный очередной блестящей идеей, позвонил ни свет ни заря и направил сюда за материалом. Потом лихорадочные сборы, спешка в аэропорт, где едва нашлось время скачать посланные вдогонку статьи, и посадка на самолет, по трапу которого он поднялся самым последним. А меж тем книга не помешала бы. Раз уж придется несколько дней терпеть этот город-труп, какой-нибудь роман мог бы немного развлечь.

Мартин толкает дверь, готовый к тому, что она заперта, однако «Оазис» открыт. По крайней мере, дверь.

Внутри темно, пусто и градусов на десять прохладнее. Мартин снимает темные очки и оглядывается, привыкая к сумраку после раскаленной добела улицы. Зеркальные витрины скрыты шторами, перед каждой еще и японская ширма – дополнительный заслон против солнечной атаки. Вентилятор на потолке лениво поворачивается, больше никакого движения, если не считать струек воды в декоративном фонтанчике на прилавке. Прилавок рядом с дверью вытянут вдоль витрины и обращен к залу с парой диванчиков, мягкими креслами на истертом ковре и столиками с книгами тут и там.

В глубине зала тянутся три-четыре ряда низеньких стеллажей с проходами между ними. На стенах укреплены полки повыше. В конце прохода видна деревянная дверь-воротца вроде тех, что отделяют зал от кухни в ресторанах. Ни дать ни взять – церковь, если представить, что стеллажи и полки – церковные скамьи, а прилавок – алтарь.

Мартин проходит между столиками к дальней стене. На маленькой табличке написано, что здесь выставлена *литература*. Губы начинают растягиваться в ироничной усмешке, которая тут же угасает при виде аккуратного ряда корешков на верхней полке. Сплошь названия, знакомые по временам учебы в университете двадцать лет назад, более того – те же книги в мягких обложках расставлены в соответствии с учебной программой. «Моби Дик», «Последний из могикан» и «Алая буква», а справа «Великий Гэтсби», «Поправка 22» и «Герцог». «Богатства Ричарда Махони», «Во имя любви», «Кунард»², следом за ними – «В свободном падении», «Процесс» и «Тихий американец». Горстка пьес: «Сторож», «Носорог» и «Жизненные перипетии Салли Бэннер»³.

Мартин вытягивает «Комнату с видом». Выпущено издательством «Пингвин», корешок романа проклеен для крепости пожелтевшим от времени скотчем. Забавно: может, под обложкой фамилия какого-нибудь позабытого однокашника? Но нет, томик принадлежал когда-то некой Кэтрин Блонд. Не иначе, книги покойницы.

Мартин бережно возвращает роман на место и делает телефоном фотографию.

² «The Fortunes of Richard Mahony», «For Love Alone», «Coonardoo» – книги австралийских писателей-классиков, перевода на русский нет.

³ «The Chapel Perilous» – австралийская пьеса, перевода на русский нет.

На следующей полке издания поновее, некоторых, похоже, почти не касались. Джеймс Джойс, Салман Рушди, Тим Уинтон. Стоят без всякого порядка.

Мартин вытягивает томики один за другим, но не находит под обложками имен бывших владельцев. Сделав выбор, он собирается устроиться в уютном кресле и вздрагивает – в центральном проходе стоит молодая женщина.

– Нашли что-нибудь интересное? – спрашивает она хрипловато, прислонясь к стеллажу в небрежной позе.

– Не знаю пока, – отвечает Мартин с деланным равнодушием.

Сперва его ошеломляет появление женщины, затем – ее красота. Светлые, с артистичной небрежностью уложенные волосы, стриженные под боб, челка до темных бровей. Фарфоровая кожа, искрящиеся зеленые глаза, босые ноги видны из-под легкого платья. Нет, в задуманном им рассказе о Риверсенде таким небесным созданиям не место.

– Кто такая Кэтрин Блонд? – интересуется он.

– Моя мать.

– Передайте, что мне понравились ее книги.

– Не могу. Мама умерла.

– Вот как. Тогда простите.

– Не за что. Вы бы ей понравились, раз любите книги. Это был ее магазин.

Мгновение они просто рассматривают друг друга. Во взгляде женщины есть что-то бесцеремонное, и Мартин первым отводит глаза.

– Присаживайтесь, – приглашает она. – Отдохните немного. Вы проделали долгий путь.

– Как вы догадались?

– Это Риверсенд, – с грустной улыбкой отвечает женщина, на щеках мелькают ямочки.

С такой внешностью – прямая дорога в модели, думает Мартин. А то и в кинозвезды.

– Присаживайтесь, не стесняйтесь, – повторяет она. – Кофе пить будете? Мы одновременно и кафе и книжный магазин. Так вот и зарабатываем.

– Ясно. Лонг блэк⁴, если можно. И какой-нибудь водички, пожалуйста.

Мартин тянет закурить, хотя он завязал с этой привычкой сразу после университета. Всего одну сигаретку. Почему бы нет?

– Хорошо. Сейчас вернусь.

Она бесшумно уплывает по проходу. Мартин смотрит вслед, любясь поверх стеллажей красивым изгибом шеи. Как прирос к полу, увидев ее, так и стоит. Толкнув дверь-воротца, женщина пропадает из виду, но виолончельный тембр ее голоса, плавная уверенность движений и взгляд зеленых глаз будто еще витают в воздухе.

Покачавшись туда-сюда, воротца замирают. Мартин переводит взгляд на книги в своих руках. Вздохнув, садится в кресло и глядит уже не на книги, а на свои руки сорокалетнего. У отца были руки ремесленника – сильные, ловкие, умелые. В детстве Мартин мечтал, что и у него когда-нибудь будут такие же, но они до сих пор как у подростка. Руки белого воротничка, не пролетария, какие-то неправильные. Он опускается в кресло с порванной обивкой, скрипучее и перекошенное, и начинает рассеянно перелистывать страницы.

На этот раз появление женщины не приводит его в замешательство. Он поднимает взгляд обрадованно, уже подустав ждать.

– Вот. – Она чуть хмурится, ставя на столик большую белую чашку.

От женщины веет каким-то ароматом с кофейными нотками.

«Дурак!» – одергивает себя Мартин.

– Себе я тоже сварила, – улыбается она. – Посетителей у нас немного. Надеюсь, вы не против...

⁴ Лонг блэк – австралийский способ готовить кофе.

– Нет, конечно, – слышит он собственный голос.

Хочется завести непринужденный разговор, рассмешить ее, очаровать. Наверное, даже получилось бы – он не совсем еще растерял внешнюю привлекательность. Однако, снова взглянув на свои руки, Мартин не решается.

– Что вы здесь делаете? – спрашивает он и сам удивляется резкости вопроса.

– В смысле?

– Что вы делаете в Риверсенде?

– Я здесь живу.

– Знаю, но почему?

Улыбка на ее лице меркнет. Взгляд становится серьезнее.

– Думаете, не стоит?

– Вот это. – Мартин обводит руками магазин. – Книги, культура, литература. Университетские книжки вон там, на полке, ваши и матери... Этот городок умирает, вам нечего тут делать.

Она не улыбается, не хмурится, только смотрит задумчиво, не торопясь отвечать.

– Вы ведь Мартин Скарсен? – спрашивает, глядя в глаза.

Он не отводит взгляда.

– Да, это я.

– Я помню репортажи. Рада, что вы уцелели. Должно быть, трудно пришлось.

– Да.

Текут минуты, Мартин прихлебывает кофе. Ничего так, в Сиднее доводилось пить хуже. Опять накатывает тяга закурить. Неловкость от молчания прошла, и снова текут минуты. Как хорошо здесь, в «Оазисе», делить тишину с молодой красавицей.

Она заговаривает первой:

– Я вернулась сюда полтора года назад, когда мама лежала при смерти, и надо было за ней присматривать. А теперь... если я уеду, книжный, ее книжный, закроется. Ждать и так недолго, но пока держусь.

– Простите за бесцеремонность, я не хотел.

Она обнимает чашку ладонями: жест уюта и доверия, странно уместный, несмотря на дневной зной.

– Ну а вы, Мартин Скарсен, вы-то что делаете в Риверсенде?

– Приехал за материалом, редактор послал. Решил, мне пойдет на пользу прошвырнуться и подышать деревенским воздухом. Чтобы сдуло паутину, как он выразился.

– О чем история, о засухе?

– Нет. Не совсем.

– Боже правый! Опять о стрельбе? Уже почти год прошел.

– Так в этом вся и соль: «Как справляется Риверсенд год спустя?» Что-то вроде биографической заметки, только не о персонаже, а о городе в целом. Выйдет как раз к годовщине.

– Сами придумали?

– Нет, мой редактор.

– Экий гений. И послал вас? Чтобы написать, как живет город после трагедии?

– Ну да.

– Боже!

Вновь молчание. Женщина подперла рукой подбородок, вперив невидящий взгляд в книгу на столике. Вокруг глаз тонкие морщинки – она старше, чем казалось вначале. Лет двадцать пять, наверное. Все равно слишком молода для него.

Проходит еще несколько минут – немая сцена в книжном магазине. Встретившись взглядом, женщина произносит тихо, почти шепотом:

– Мартин, вы ведь понимаете, есть истории получше. Рассказать их было бы достойнее, чем упиваться болью скорбящего города.

– Какие же?

– Причины, почему священник открыл стрельбу.

– Мы вроде знаем, не так ли?

– Педофилия? Легко бросать голословные обвинения в адрес покойника. Я этим сказкам не верю! Не всякий церковнослужитель растлеивает малолеток.

Не выдержав тяжелого взгляда, Мартин молча опускает глаза на чашку кофе.

– Дарси Дефо – ваш приятель? – продолжает наседать женщина.

– Ну, это было бы сильно сказано, однако он отличный журналист. Его статья отхватила Уокли⁵, причем по праву.

– Он все наврал!

Мартин молчит в нерешительности. Такой разговор может завести куда угодно.

– Как вас зовут? – спрашивает он наконец.

– Мэндалай Блонд, для всех просто Мэнди.

– Мандалай? Ну и ну. Бирма, Киплинг...

– Мама постаралась. Ей нравилось, как оно звучит. Нравилась мысль свободно путешествовать по миру.

– И как она... путешествовала?

– Нет. Ни разу не покидала Австралию.

– Ладно, Мэнди. Байрон Свифт застрелил пятерых. Вот объясните мне: почему?

– Без понятия, но если выясните, история станет настоящей сенсацией, не так ли?

– Пожалуй. Раз вы не знаете, что им двигало, у кого спрашивать?

Она отвечает далеко не сразу. Мартин в смятении. Казалось бы, нашел в книжном убежище, и сам же все испортил. Что ей сказать? Извиниться или свести все к шутке? А может, поблагодарить за кофе и уйти?

Но Мандалай Блонд не обиделась.

– Мартин, – понижает она голос, подавшись к нему, – я хочу вам кое-что рассказать. Не для публикации и не для чужих ушей. Пусть это останется между нами. Согласны?

– Тема настолько щекотливая?

– Мне еще здесь жить, вот и все. Пишите о Байроне что угодно – мертвым безразлично, однако меня, пожалуйста, не впутывайте. Хорошо?

– Конечно. Так о чем речь?

Мэнди молчит, откинувшись на спинку кресла.

Какая тишина, думает Мартин. Темно и тихо. Только шуршит вентилятор, гудит его мотор, журчит вода в фонтанчике на прилавке, и размеренно дышит Мандалай Блонд.

Заглянув ему в глаза, она сглатывает.

– От Байрона Свифта веяло какой-то святостью. Словно он и впрямь был божьим человеком.

– Ваш божий человек убил пятерых.

– Я в курсе, была там. Ужасно. Некоторых жертв я знала. Знаю их вдов. Фрэн Ландерс моя подруга. Почему же в моем сердце нет ненависти? Почему то, что случилось, кажется неизбежным? Объясните, почему так? – Ее глаза умоляют, голос выдает внутреннее напряжение. – Почему?

– Что ж, Мэнди, рассказывайте. Я готов слушать.

– Вам нельзя обо всем этом писать. Чтобы обо мне – ни слова. Договорились?

– Конечно. Так о чем речь?

⁵ Walkley – австралийская премия за достижения в журналистике.

– Байрон спас меня. Я обязана ему жизнью. Он был хорошим человеком. По ее лицу пробегает боль – словно рябь по глади пруда.

– Продолжайте.

– Мама умирала, сама я была беременна. Не впервые. Просто секс на одну ночь с одним придурком в Мельбурне, и вот как обернулось. Подумывала о самоубийстве: не видела для себя будущего, смысла бороться. Этот городишко, сама моя жизнь – все казалось таким дерьмовым... Байрон понял, каково мне. Он зашел в книжный, флиртовал и добродушно подшучивал, как обычно, и вдруг умолк. Просто замолчал. А потом посмотрел мне в глаза... Он понимал, и ему было не все равно. Затем ходил, уговаривал – неделю, месяц. Учил меня не прятаться от жизни, ценить ее. Отнесся ко мне с участием, симпатией. Он понимал чужую боль. Люди вроде него не совращают детей. Как можно... – В ее голосе звучит страсть и убежденность. – Вы в Бога верите? – спрашивает вдруг Мэнди.

– Нет, – качает головой Мартин.

– Вот и я нет. А в судьбу?

– Нет.

– А я не уверена. В карму?

– Мэнди, к чему вы клоните?

– Байрон часто заходил к нам в магазин, покупал книги, заказывал кофе. Внимательный, обаятельный, а еще не такой, как все. Очень мне нравился, а мама вообще души не чаяла. Мог поговорить о книгах, истории, философии. Я так увлеклась... даже немного огорчилась, когда узнала, что он священник.

– Он тоже увлекся?

Да ею любой увлекся бы, думает Мартин.

На губах Мэнди мелькает улыбка.

– Конечно, нет. Я же была беременна.

– Но вам он нравился?

– Байрон всем нравился. Он был таким остроумным, таким харизматичным. Мама умирала, и тут в моей жизни появился он – молодой, энергичный и несломленный, полный надежд и веры в себя. А потом он стал для меня не просто знакомым, а другом, моим духовником и спасителем. Байрон выслушал меня и понял – понял, что я испытывала тогда. Никакого осуждения, никаких поучений. Бывая в городе, он всегда к нам заглядывал, всегда справлялся, как у нас дела. Перед смертью мамы в беллингтонской больнице он утешал нас обеих. Он был хорошим человеком... а потом и его не стало.

Снова тишина. На этот раз ее нарушает Мартин:

– А ребенок? Вы его сохранили?

– Разумеется. Лиам спит в подсобке. Как проснется, я вас познакомлю, если не успеете уйти.

– Я буду рад.

– Спасибо.

– Мэнди... – Мартин тщательно обдумывает слова, по крайней мере, пытается, зная, что правильных попросту не существует. – Я понимаю, что Байрон Свифт проявил к вам доброту. Вполне возможно, он был не так уж плох и способен на искренность. Однако это не умаляет его вины. И доброта к вам – еще не повод считать обвинения в его адрес голословными. Вы уж извините.

Она остается при своем мнении.

– Говорю же вам, Мартин, Байрон заглянул мне в душу! Он был хорошим человеком. Он понял, как мне плохо, и помог.

– Как же это примирить с тем, что он сделал? Погибло много людей.

– Знаю... не укладывается в голове. Да, Байрон убил, не отрицаю, я до сих пор сама не своя. Единственный приличный человек, что попался на моем пути... не считая мамы, и вдруг такие ужасы. Дело вот в чем: я верю, что он застрелил этих людей, так оно и было, но чувствую в этом какую-то извращенную правильность, пусть и не понимаю, почему он так поступил... Только не надо мне говорить о насилии над детьми! Меня саму ребенком третировали и били, подростком поливали грязью и лапали, взрослой подвергли остракизму, осудили и бросили на произвол судьбы. Я порядком настрадаюсь от жестоких дружков... считай, других у меня и не было. Самовлюбленные уроды, они думали только о себе. Папаша Лиама такой же фрукт. Мне хорошо знаком этот типаж, навидалась... Байрон был человеком совершенно другого склада, полной их противоположностью. Добрым и неравнодушным. Вот что меня смущает и бесит! И вот почему я не верю, что он дурно обращался с детьми. Он был добрым!

Ее лицо полно страсти, голос лихорадочно дрожит. Но... добрый массовый убийца? Мартин смотрит в штормовые зеленые глаза Мандалай Блонд, не зная, что сказать.

Глава 2. «Черный пес»

Мартин стоит на улице, словно очнувшись от сна. Книгу так и не купил, дорогу в гостиницу не спросил. И гугл-карты в мобильном не грузятся. Черт, сотовой связи вообще нет! Да уж, неожиданность. Будто на другую планету попал.

Раннее начало дня, долгая поездка и адское пекло вконец его измотали, в голове туман. Стало жарче, солнце за пределами магазинных навесов еще ослепительнее. Никакого движения, если не считать дрожащей дымки над раскаленной мостовой. Уже, наверное, градусов сорок, причем ни ветерка.

Он шагает на яркий свет. Трогает крышу машины – горячая, как сковорода. Что-то мелькает на краю видимости, он поворачивается – пусто. Хотя нет, посреди улицы замерла ящерка.

Подошел, посмотрел – короткохвостый сцинк, не шевелится, точно мертвый. Из трещин в асфальте сочится битум – может, лапы приклеились? Нет, сорвалась с места и метнулась под припаркованную машину, проворная от жары. Еще один звук – чей-то прерывистый кашель. Мартин снова оборачивается.

Под навесами на той стороне улицы плетется мужчина. Тот же самый, в сером пальто и с тем же коричневым бумажным пакетом. Подойти, что ли, поздороваться?

– Доброе утро!

Глухой? Сутулясь, плетется дальше, не замечая.

– Доброе утро! – повторяет Мартин громче.

Незнакомец, задрав голову, оглядывается, будто прислушиваясь к отдаленным раскатам грома.

– Что такое?

Серая с проседью борода, слезящиеся глаза.

– Доброе утро! – в третий раз повторяет Мартин.

– Не доброе и тем паче не утро. Что надо?

– Вы не подскажете, где гостиница?

– У нас нет гостиницы.

– Как же, есть! – Мартин это знает, потому что во время полета прочел газетные выдержки, в том числе ту статью Дефо, за которую ему дали премию. В ней он описывал местную пивную, называя ее сердцем города. – «Коммерсант».

– Закрылась полгода назад. Туда ей и дорога. Вон там. – Мужчина показывает рукой.

Мартин оборачивается на шоссе, по которому приехал в город. Как же он пропустил это здание? Та самая старая пивная, единственное двухэтажное строение главной улицы. Стоит на перекрестке, наружная реклама вся цела, панорамная веранда манит к себе – кажется, что закрыто на день, а не насовсем.

Мужчина сдвигает бумажный пакет, отвинчивает крышку с бутылки и делает глоток:

– Хочешь?

– Нет, спасибо. Не сейчас. Скажите, а еще где-нибудь в городе остановиться можно?

– Попробуй мотель. И лучше поторопись. Здесь так дерьмово идут дела – того и гляди тоже закроется.

– Как его найти?

Мужчина окидывает Мартина взглядом.

– С какой стороны ты приехал? Из Беллингтона? Дени?

– Нет, из Хея.

– Та еще поездочка. Что ж, тогда и ступай дальше. У знака «Стоп» свернешь направо. К Беллингтону, не к Дениликуину. Мотель справа, на окраине, метрах в двухстах.

– Спасибо. Премного благодарен.

- Благодарен? Ты че, янки хренов? Это они обычно так выражаются.
- Нет. Просто хотел сказать «спасибо».
- Ладно. Тогда проваливай.

Старый пьяница плетется дальше. Мартин щелкает его телефоном со спины.

Попасть в машину не так-то просто. Мартин смачивает пальцы слюной, чтобы дверная ручка обжигала не так сильно, и подпирает дверцу ногой, не давая захлопнуться. Внутри настоящая топка.

Он заводит двигатель, включает кондиционер, но тот лишь гоняет по салону горячий воздух. Запах ужасный – застарелая блевотина какого-то прошлого арендатора, выпаренная жарой из тканевых сидений. Пряжка ремня безопасности нагрелась – не притронуться. Мартин оборачивает руль уже высохшим полотенцем, чтобы хоть как-то за него взяться.

- Ну и пекло!

Он проезжает несколько сотен метров до мотеля и выходит на крытой парковке, посмеиваясь под нос: жизнь вроде налаживается. Делает телефоном пару снимков. Облезлая вывеска «Черный пес», рядом табличка «Места есть». А лучше всего знак «С животными нельзя».

Мартин смеется: прямо сокровище, и как только Дефо его пропустил? Видно, этот неженка не вылезал из пивной.

Даже в вестибюле нет спасения от жары. Где-то в глубине здания бубнит телевизор. На стойке администратора звонок, обычный дверной, приспособленный для здешних нужд. Мартин его нажимает. В направлении телевизора глухо тренькает.

Коротая время, он принимается листать буклеты с проволочной полки на кирпичной стене. Пицца, поездки по реке Муррей, винный заводик, цитрусовая ферма, планеры, картинг, еще один мотель, пансион с завтраком. Бассейн с водяными горками. Все в сорока минутах езды, в Беллингтоне, ниже по реке.

На стойке – горстка меню красным шрифтом: еда навынос. «Сайгон». Вьетнамские, тайские, китайские, индийские, австралийские блюда». «Боулинг-клуб «Риверсенд». Мартин складывает одно меню и сует в карман. По крайней мере, голодная смерть здесь не грозит.

Принося с собой порыв прохладного воздуха и запах хлорки, из зеркальной двери выплывает краснощекая толстуха – крашенные светлые волосы до плеч, темные с проседью корни сильно отросли.

- Привет, милый. Хочешь снять номер?
- Да.
- Вздремнуть или переночевать?

- Нет, скорее всего, на трое-четверо суток.

Она удостаивает Мартина более долгим взглядом.

- Не вопрос. Сейчас гляну, что там у нас с заказами.

Женщина садится за допотопный компьютер. Мартин выглядывает из двери. На парковке стоит только его машина – и все.

- Вам повезло. Четверо суток, говорите?
- Да.

- Не вопрос. Деньги вперед. Если задержитесь, доплата по дням.

Мартин передает ей кредитную карту компании «Фэрфакс»⁶. Женщина переводит взгляд с нее на Мартина, сопоставляя одно с другим.

- Вы из «Эйдж»?
- Из «Сидней морнинг геральд».

– Не вопрос, – бормочет она и проводит картой через терминал. – Ладно, милый. Тебе в шестой. Вот ключ. Подожди чуток, сейчас принесу молока. Включи холодильник, как засе-

⁶ Fairfax Media – австралийское издательство, в числе прочего выпускает газеты «Эйдж» и «Сидней морнинг геральд».

лишься, и не забывай выключать перед уходом свет и кондиционер. Счета за электричество просто грабительские.

– Спасибо. У вас есть вай-фай?

– Нет.

– Сотовой связи тоже нет?

– Была до выборов, теперь антенна сломалась. Остается надеяться, что к следующим выборам починят. – Ее улыбку иначе как язвительной не назовешь. – У тебя в номере есть городской телефон. Когда я последний раз проверяла, работал. Что-нибудь еще?

– Угу. Название вашего мотеля. Оно странноватое, не находите?

– Сорок лет назад было нормальным. С какой стати мы должны его менять, если какой-то кучке неудачников⁷ понравилось, как оно звучит?

* * *

Номер совсем никакой. После статьи Дефо Мартин предвкушал, как поселится в пивной: пиво с местными, поток информации от словоохотливого персонала, бифштексы с овощами у стойки и короткий подъем по лестнице спать. Туалет там, скорее всего, общий, зато у старого здания есть характер, оно полно историй, не сравнить с утилитарной банальностью этой собачьей конуры: флюоресцентная лампа без плафона, провисшая кровать с бурым покрывалом, химический душок освежителя, кряхтящий бар-холодильник и гудящий кондиционер. На прикроватном столике – допотопный телефон и часы. Лучше, чем спать в машине, хотя и ненамного.

Мартин звонит в новостной отдел, сообщает номер мотеля и предупреждает, что сотовой связи в городе нет.

Он раздевается, проходит в ванную, смывает дохлых мух, скопившихся в унитазе, справляет нужду, снова смывает. Затем из крана над раковиной наливает воды в стакан. Та пахнет хлоркой, вкус отдает речной тиной. Не утруждаясь краном с горячей водой, Мартин включает душ и, поморщившись от слабого напора, шагает под струи. Вскоре холод перестает ощущаться. Мартин подносит к лицу разбухшие, сморщенные от воды ладони – как у утопленника. С каких пор собственные руки стали казаться чужими?

Телу стало прохладней, номер, хоть и неохотно, тоже охлаждается. Вытершись полотенцем, Мартин ложится в постель и накрывается простыней. Надо отдохнуть. День выдался долгий: раннее пробуждение, полет, поездка, жара. Адская жара.

Когда он просыпается, в комнате уже сумрачно. Одевшись, он снова отпивает противной воды, смотрит на часы: двадцать минут восьмого.

Снаружи, за мотелем, в январском небе все еще висит над горизонтом огромный оранжевый диск солнца. Оставив машину на парковке, Мартин идет пешком. И впрямь самая окраина – между мотелем и пустыми загонами для скота только допотопная станция техобслуживания. Через дорогу – железнодорожная линия и несколько высоких зернохранилищ, позолоченных лучами заката.

Мартин щелкает фото. А вот заброшенная автозаправка и въезд в город, отмеченный обязательными знаками: «Риверсенд» – написано на одном; «Население 800 человек» – на другом; «Введена экономия воды пятого уровня»⁸ – на третьем.

⁷ Мотель называется так же, как австралийская организация «The Black Dog», созданная в 1985 году и занимающаяся вопросами психического здоровья и предупреждения самоубийств.

⁸ Экономия воды пятого уровня: суточное потребление воды ограничено 87 л на человека и 500 млн литров суммарно на город.

Мартин забирается на низкую, не более метра, насыпь, поворачивается спиной к заходящему солнцу и делает телефоном еще один снимок, взяв в кадр знаки, брошенную автозаправку и зернохранилища.

Интересно, как давно городок насчитывал целых восемьсот жителей, и сколько их теперь?

Он идет назад в Риверсенд. Час поздний, но даже сейчас спина ощущает мощь солнца. Вокруг брошенные дома и дома жилые, одни с погибшими от жары садами и другие, кичащиеся буйной от полива листвой.

Пройдя мимо зеленого ангара из рифленого железа – добровольческой пожарной бригады, – Мартин останавливается у перекрестка с Хей-роуд, полной магазинчиков, спрятавшихся под общими навесами. Еще одна фотография.

Он продолжает двигаться на восток по шоссе. Вот брошенный супермаркет, на дверях до сих пор выгоревшие растяжки с объявлением о ликвидации и суперскидках. Дальше автозаправочная станция «Шелл», владелец которой дружелюбно машет рукой, закрываясь на ночь. Парк с зеленым газоном и очередными знаками: «Только артезианская вода», круглая беседка и площадка с туалетами для автомобилистов – все расположено ниже высокого берега водохранилища. Еще дальше – очередной мост через реку, на этот раз двухполосный и бетонный.

Мартин мысленно представляет себе карту Риверсенда: Т-образный перекресток расположен вплотную к изгибу реки, водохранилище прилегает с севера и востока. Хорошо спланировано. Здесь, на обширной и безликой равнине, это придает Риверсенду некую продуманность и самодостаточность.

У моста Мартин взбирается на высокий берег реки и находит протоптанную тропку. Оглядывается на шоссе, вытирает пот со лба. Горизонт теряется в мареве и пылевой дымке, но кажется, что кривизна земного шара все равно заметна, словно с мыса, обращенного к морю. По мосту на запад с грохотом проезжает грузовик. Солнце уже садится, сердитое и оранжевое от пыли. Мартин смотрит вслед машине, которая сначала становится зыбким видением, а потом и вовсе исчезает в мареве.

Он движется по вершине насыпи вдоль водохранилища. Сквозь эвкалипты проглядывает речное русло, выстеленное растресканной глиной. На первый взгляд деревья здоровы, однако вот и мертвый ствол, такой же крепкий, как соседние, только без листвы. Над головой пролетает стая какаду, их сиплым крикам в сумраке вторят другие птицы и прочая живность.

Тропинка приводит к повороту в речном русле. Впереди на холме – здание из желтого кирпича: боулинг-клуб «Риверсенд». Сияют зеркальные окна над металлической террасой – словно круизный лайнер, забытый на берегу отливом.

Внутри прохладно. На стойке разложены бланки на временное членство, стоит табличка с инструкцией. Заполнив бланк, Мартин отрывает гостевой билет.

Главный зал просторный, длинные окна смотрят на излучину реки, деревья на берегу почти неразличимы в темноте из-за яркого света внутри. Кое-где стоят столы и кресла, но нет ни одного посетителя. Ни одной живой души. Только кричаще-ярко вспыхивают огоньки на покерных машинах позади низкой перегородки в дальнем конце.

За длинной стойкой бармен читает книгу. Услышав шаги Мартина, вскидывает голову.

– Салют! Пива?

– Спасибо. Что у вас есть на разлив?

– Вот эти два.

Мартин заказывает бокал «Карлтон драфт»⁹ и предлагает бармену составить компанию.

– Нет, спасибо. – Тот нацеживает пива. – Ты журналюга?

– Точно. Смотрю, слух уже пошел.

⁹ Carlton Draught – австралийская марка пива.

– Сельские городки, что с них взять!

На вид бармену слегка за шестьдесят, лицо красное от пивных возлияний и беспощадного солнца, седые волосы зализаны назад маслом. Руки большие, в печеночных пятнах. Мартину они нравятся.

– Приехал писать о стрельбе?

– Точно.

– Ну, тогда удачи. По-моему, о ней уже написано все, что только можно.

– Не исключено.

Бармен принимает деньги и кладет в кассу.

– У вас случайно нет вай-фая? – спрашивает Мартин.

– Конечно, есть. По крайней мере, теоретически.

– В смысле?

– То работает, то нет. А когда работает, поступает в час по чайной ложке, как дотация пострадавшим от засухи. Впрочем, ты попробуй. Больше здесь никого нет, так что канал весь твой.

– Какой у вас пароль? – улыбается Мартин.

– Заводь. Остался с тех времен, когда она у нас была.

Мартин успешно залогинивается с телефона, но имейлы не загружаются. Только колесико на экране крутится. Висюк. Сдавшись, он сует телефон в карман.

– Кажется, я понимаю, о чем вы.

Конечно, стоило бы спросить об убийствах, как чувствуют себя горожане, однако что-то внутри противится, и он лишь интересуется, почему в клубе никого нет.

– Приятель, сегодня вечер понедельника. У кого по понедельникам есть деньги на выпивку?

– Тогда почему вы открыты?

– Потому что либо мы открыты, либо закрыты. А тут и так слишком много всего позакрывалось.

– Но вам на жалование хотя бы денег хватает?

– Нет. По большей части мы, то бишь члены правления, работаем на волонтерских началах. У нас есть график.

– Впечатляет. В большом городе такого не увидишь.

– Только поэтому мы до сих пор открыты, а пивная – нет. Никто не работает в кабаках забесплатно.

– Все равно жалко, что ее не стало.

– Тут ты прав. Тамошний владелец был довольно приличным малым... для чужака. Спонсировал местную футбольную команду, закупал у наших фермеров продукцию для своего бистро. Впрочем, ему это не помогло, все равно вылетел из бизнеса. К слову о бистро, перекусить не желаешь?

– Неплохо бы. Что у вас есть?

– Здесь ничего. Но сзади закусовая Томми, «Сайгон» называется, и выбор там ничуть не хуже, чем в Сиднее и Мельбурне. Поторопись, заказы принимают до восьми.

Мартин сверяется с часами: без пяти восемь.

– Спасибо.

Он делает большой глоток пива.

– Я бы разрешил тебе поесть здесь, но самому надо закрываться. По вечерам вроде нынешнего наши единственные клиенты – те, кто заскакивает сюда пропустить кружечку пива, пока им в закусовой упаковывают заказ. Мы работаем каждый вечер, кроме воскресенья. И в обеденное время все дни, за исключением понедельника. Может, какую-нибудь выпивку навывнос?

Мартин представляет, как в одиночку нажирается у себя в номере.

– Нет, спасибо. – Допив пиво, он благодарит бармена-добровольца и, протянув руку, представляется: – Мартин.

– Эррол. Эррол Райдинг.

Бармен пожимает ему руку своей внушительной лапищей.

Эррол¹⁰, думает Мартин. Так вот где они все попрятались, эрролы эти.

Он пытается вытянуться в темноте и не может – ноги не выпрямляются. Ужас замкнутого пространства заволакивает удушливой пеленой. Мартин опасливо тянет руки, уже зная, на какую преграду наткнутся пальцы. Сталь – неподатливая, безжалостная, неумолимая. Страх захлестывает шею удавкой, надо затаить дыхание, чтобы себя не выдать. Что там за шум – шаги? Убьют или выпустят на свободу? Еще шум – далекая канонада, взрывы. Вытягиваться больше не хочется, наоборот – свернуться в позу зародыша и заткнуть уши, чтобы не слышать по-ишачьи отрывистое тьяканье «калаша». Все равно шум – грохот, металлический лязг. Убрав ладони от ушей, он прислушивается с надеждой и страхом. Танк? Откуда здесь танк? Урчание двигателя, лязг шестерен... Похоже, танк рядом. Израильтяне? Начали вторжение, пришли его спасти? Знают ли они, где искать? Найдут или просто переедут танком, не подозревая о его существовании, и раздавят вместе с его стальной тюрьмой? Может, закричать? Нет, не стоит. Солдаты не услышат, а те, другие, могут. Что это за рев? Все громче и громче. Ф-16? Один снаряд, одна бомба, и от него ничего не останется, никто никогда не узнает, что с ним стало. Рев нарастает, он все ближе и ближе. О чем только эти пилоты думают, зачем так низко? Оглушительный лязг...

Мартин просыпается, впившись пальцами в одеяло и судорожно хватая воздух. Сквозь тонкие шторы мотеля «Черный пес» пробивается свет фар, тяжелый грузовик с ревом несется по шоссе на восток.

– Твою мать!

Рев двигателя умолкает вдали, остается лишь почти танковый лязг кондиционера.

– Твою мать! – повторяет Мартин, выпутываясь из одеяла и включая светильник.

На часах возле кровати – без четверти четыре утра. Он садится в постели и выпивает стакан смердящей воды, но соленая сухость от фастфуда из закуской не проходит. Пожалуй, стоило-таки захватить выпивку. Может, слазить в сумку за таблетками? Нет, хватит с него кошмаров, лучше уж дождаться рассвета.

¹⁰ Имя произошло от эррол, эрл (шотл.).

Глава 3. Кровавое воскресенье

Покинув мотель затемно, когда воздух прохладен и небо еще тусклое, Мартин бредет по пустынным улицам к эпицентру трагедии. У церкви Святого Иакова сквозь кроны прибрежных эвкалиптов уже пробиваются золотые стрелы первых рассветных лучей.

Он здесь никогда не был, однако здание выглядит узнаваемо: красный кирпич, рифленая жестяная кровля, полдюжата ступеней поднимаются в прямоугольное святилище, о предназначении которого легко догадаться по арочному портику, наклону кровли и форме окон, а крест на крыше развеивает последние сомнения. Сбоку простая колокольня: две бетонные колонны, колокол и веревка. Черные буквы на белой табличке: «Храм Св. Иакова. Службы по первым и третьим воскресеньям месяца с одиннадцати утра». Церковь стоит на отшибе и смотрится аскетично – ни стены вокруг, ни кладбища, ни тени деревьев.

Потрескавшийся бетон дорожки, ступени. Ни намек на прошлогодние события: ни мемориальной доски, ни самодельных крестов, ни увядших букетов.

Почему? Ведь это самое драматичное событие в городской истории! Ничего для жертв, ничего для убитых горем родных и близких. Возможно, просто рано, переживания еще слишком болезненны... или город опасается праздных зевак и охотников за сувенирами? Хочет стереть стрельбу из общей памяти и сделать вид, что ее никогда не было?

На крыльце ни пятен, ни выбоин. Солнце стерилизовало место кровопролития, выбелив бетон. Трава по сторонам дорожки мертвая, высохшая. Может, внутри найдутся хоть какие-то следы переживаний горожан? Увы, дверь заперта. Остается лишь обойти здание в поисках зацепок, но смотреть попросту не на что. Святой Иаков ничего не выдает пытливному взгляду, не уступает журналистскому любопытству.

Мартин щелкает несколько снимков, хотя знает, что никогда на них даже не взглянет.

Хорошо бы кофе. Интересно, во сколько открывается книжный магазин? Сейчас половина седьмого – пожалуй, рановато.

Он движется по Сомерсет-стрит на юг, церковь справа, школа – слева. Поворот, за дощатым забором виднеется тыльный фасад мотеля. Теперь мимо полицейского участка и обратно на Хей-роуд, главную улицу городка. В центре перекрестка на постаменте статуя в натуральную величину: солдат в форме времен Первой мировой – сапоги, гамаши, широкополая шляпа – стоит в позе «вольно», опершись на винтовку. Задрав голову, Мартин смотрит в мертвые бронзовые глаза. На белых мраморных табличках – списки горожан, погибших за свою страну: англо-бурская война, обе мировые, Корея и Вьетнам. Он снова переводит взгляд на лицо бронзового солдата. Городу не в новинку травмы и травмированные, но, вероятно, проще увековечить войну, чем массовое убийство. У войны хотя бы есть цель – по крайней мере, так говорят вдовам.

С шоссе на Хай-стрит сворачивает пикап. Водитель в жесте, известном по всему миру, поднимает палец, и Мартин с неловкостью отвечает тем же. Машина едет дальше, направляясь к мосту из города.

Утро вторника – комиссионка Матильды как раз открыта по вторникам и четвергам. Интересно, остальной бизнес такой же – еле держится на плаву, наскребая скудный доход за пару часов в неделю за счет горожан и фермеров? Город занял оборону против засухи и экономического спада. Если так, нужно использовать эти часы, чтобы познакомиться с людьми, когда те выходят из дома, узнать, чем они живут и дышат, понять, сколько жизни осталось в Риверсенде.

Мартин переходит дорогу к банку. Открыто с утра по вторникам и четвергам, как и следовало ожидать. Точно так же обстоит дело с галантерейным наискосок, а вот свежеевыкрашенная гостиница «Коммерсант» закрыта вне зависимости от дня недели. Универсам Ландерса рядом

с пивной, ближе к мосту. Работает семь дней в неделю. Мартин делает мысленную пометку: Крейг Ландерс был одним из убитых во время стрельбы. Кто теперь управляет магазином – его вдова? Мандалай упоминала ее имя, Фрэн, и сказала, что они подруги.

На мгновение в мысли вторгается звук: что-то вроде раската далекого грома. Мартин ищет на небе подтверждение, однако там ни облачка, не говоря уже о грозовых тучах.

И снова гром, теперь он не умолкает, приближается. Со стороны шоссе на Хей-роуд появляется четверка мотоциклистов – едут по двое в ряд, лица мрачные. Стальные кони фыркают, отраженный от зданий звук отдается в груди. Мотоциклисты усаты и бородаты, в матовых черных шлемах и темных очках. Косухи не надели, только тонкие джинсовые безрукавки того же цвета. «Жнецы» – на спинах силуэт зловещего жнеца с косой. Татуированные руки бугрятся мускулами, лица надменны.

Байкеры пролетают мимо, не удостоив Мартина вниманием. Он щелкает телефоном фото, затем еще, после чего мотоциклисты исчезают в направлении моста. Спустя минуты две гром стихает, и Риверсенд опять впадает в апатичную дрему.

Еще одна машина проезжает лишь через полчаса. Со стороны шоссе сворачивает красный микроавтобус, минует бронзового солдата и паркуется возле универсама. Из машины выходит женщина, поднимает заднюю дверь и достает тощую пачку газет. Примерно ровесница, темноволосая и миловидная.

– Помочь? – предлагает Мартин.

– О да! – отвечает она.

Он забирается в конец микроавтобуса и вытаскивает поддон с десятком буханок, завернутых в коричневатую бумагу. Еще теплые, с восхитительным ароматом. Проследовав за ней в магазин, Мартин ставит поддон на прилавок.

– Спасибо! – Женщина вроде как хочет что-то добавить, но прикусывает язык, и ее кокетливая улыбка сменяется кислой гримасой. – Вы ведь журналист?

– Угадали.

– Хоть не тот паршивец Дефо?

– Нет. Меня зовут Мартин Скарсен. А вы миссис Ландерс? Фрэн, не так ли?

– Да, но мне совершенно нечего вам сказать. Вам и всей вашей братии.

– Ясно. Что так?

– Не притворяйтесь тупицей. А теперь, пожалуйста, уходите. Ну, если не хотите что-то купить.

– Что ж, намек понят. – Мартин поворачивается к двери, однако внезапно меняет решение. – К слову, вода в бутылках у вас есть?

– В конце вон того прохода. За дюжину скидка.

В конце прохода высится штабель бутылок с минеральной водой, по шесть штук в целлофане. Мартин берет две упаковки: по одной в каждую руку. У прилавка он добавляет буханку хлеба.

– Готово, – говорит он вдове, которая разрезает бечевку, стягивающую газетную пачку. – Я, право, не хотел навязываться...

– Хорошо, вот и не навязывайтесь. И так достаточно нам навредили.

Смолчав, Мартин берет две мельбурнские газеты, «Геральд сан» и «Эйдж», добавляет к ним «Беллингтон уикли крайер», расплачивается и выходит на улицу. «Лейбористы жульничают», – кричит со своих страниц «Геральд сан», «Новая волна ледовой эпидемии»¹¹, – бьет тревогу «Эйдж», «Засуха усиливается», – стонет «Крайер». Отчаянно хочется достать из упаковки бутылку, но Мартин понимает – стоит разорвать целлофан, как их станет практически

¹¹ Речь о кристаллическом метамфетамине, известном, как лед, ставшем для Австралии чуть ли не национальным бедствием.

невозможно нести, и направляется к «Черному псу». По дороге дергает дверь «Оазиса». Увы, книжный с его кофемашиной еще не работает.

В четверть десятого, подкрепив силы хлебом, бутилированной водой и растворимым кофе на устеленной сигаретными бычками парковке мотеля, Мартин отправляется в полицейский участок. Здание переделано, а не построено специально, отмечает он. Этакая солидного вида штучка из красного кирпича под крышей из новенькой серой жести, несколько затмеваемая своим огромным сине-белым указателем на углу Глостер-роуд и Сомерсет-стрит, рядом с банком и напротив школы.

Здесь предстоит взять единственное интервью, которое удалось организовать, позвонив по мобильнику вчера утром из Уогги-Уогги. За стойкой констебль Робби Хаус-Джонс. После той стрельбы его восхваляют как героя, однако со своими малоубедительными усами и прыщеватым лицом констебль больше смахивает на мальчишку-подростка.

– Констебль Хаус-Джонс? – Мартин протягивает руку. – Я Мартин Скарсен.

– Доброе утро, Мартин, – отвечает молодой полицейский неожиданным баритоном. – Проходите.

– Спасибо.

Мартин идет за худощавым юнцом по офису и осматривается. Обстановка проста: стол, три серых шкафчика с папками, сейф. Подробная карта округа на стене. Горшок с засохшим цветком на подоконнике. Хаус-Джонс усаживается за стол. Мартин выбирает один из трех стульев перед ним.

– Большое спасибо, что согласились меня принять, – начинает Мартин, решив опустить обычный обмен банальностями. – В целях точности я бы хотел записывать интервью, если не возражаете. Но если в какой-то момент понадобится выключить диктофон, просто дайте знать.

– Хорошо. Пока мы не начали, может, просветите, зачем вы приехали? Знаю, вы вчера объясняли, но я слушал не очень внимательно. По правде говоря, просто из вежливости делал вид. Думал, на интервью не дадут разрешения.

– Ясно. И что изменилось?

– Мой сержант в Беллингтоне. Он меня настоятельно попросил.

– Что ж, поблагодарю его, если увижу. Идея очерка – не копаться в трагедии у церкви Святого Иакова как таковой, пусть она и используется в качестве отправной точки. Идея – написать о том, как живет город год спустя.

Слушая Мартина, констебль блуждает взглядом по комнате и наконец останавливается на окне.

– Понятно, – все так же глядя в окно, отвечает полицейский. – Ладно, валяйте. – Он переводит взгляд на Мартина. В нем нет ни тени иронии.

– Хорошо. Как я уже говорил, упор на убийства делать не будем, но разумно было бы с них начать. Вы впервые разговариваете с прессой на эту тему, я правильно догадался?

– Если имеется в виду столичная, то да. Чуть раньше «Крайер» уже напечатал парочку моих цитат.

– Что ж, давайте начнем. – Мартин включает телефон на запись и кладет на стол. – Не обрисуете вкратце, что происходило в то утро? Где вы были, что случилось потом и так далее.

– Конечно. Как вы уже наверняка знаете, все произошло воскресным утром. Я в тот день не дежурил, просто подскочил на работу, чтобы разобраться с кое-какими делами перед церковной службой.

– В церкви Святого Иакова?

– Да. Я был здесь, сидел за столом. Утро выдалось теплое, но не такая жарница, как сегодня, так что окно было открыто. Совершенно обычный день. Время близилось к одиннадцати, я как раз закруглялся с делами. Не хотел опаздывать на богослужение. И тут раздалось что-то вроде выстрела, затем снова, однако я не придал значения. Может, двигатель в машине

или детишки с петардами забавляются, всякое бывает. Потом донесся крик, мужской крик, и еще два выстрела. Тогда-то до меня и дошло. Я был без формы, но достал из шкафчика пистолет и вышел на улицу. Последовали еще два выстрела, один за другим. Прогудела машина, снова послышались крики – все со стороны церкви. Кто-то бежал к школьному двору, в мою сторону. Раздался еще один выстрел, и тот человек упал. По правде сказать, я не знал, что делать. Все казалось ненастоящим, просто дурдом какой-то.

Я вернулся сюда, позвонил домой сержанту Уокеру в Беллингтон и предупредил его. Затем надел бронежилет, вышел и по Сомерсет-стрит подбежал к упавшему телу. Это был Крейг Ландерс. Мертвый. Один выстрел в шею – и готово. Натекло много крови. Очень много. Я ничего больше не видел, никого не слышал. Крики заглохли. Наступила гробовая тишина. На Сомерсет возле церкви стояла машина, и еще несколько неподалеку, под деревьями на Темза-стрит. Я понятия не имел, сколько там людей. Между мной и церковью не было никакого укрытия. Чувствовал себя как на ладони. Подумывал сбегать обратно в участок, взять машину, но тут грохнул еще один выстрел. Вот я и пошел к церкви.

Подбежал к заднему фасаду и спрятался за ним, а потом вдоль боковой стены прокрался вперед. Когда выглянул из-за угла церкви, увидел тела. Трое на лужайке, еще одного убило через лобовое стекло машины. Все мертвые – к бабке не ходи. А на ступеньках церкви сидел священник, преподобный Свифт. Совершенно неподвижно, упер в землю приклад винтовки и смотрел в одну точку. Я вышел из-за угла, держа его под прицелом. Свифт повернулся ко мне, но больше никаких действий не предпринял. Я велел ему бросить винтовку и поднять руки. Он не шелохнулся. Я прошел на несколько шагов вперед. Пусть только попробует поднять винтовку, пристрелю не раздумывая, решил я. Чем ближе к нему – тем больше шансов попасть.

Полицейский рассказывает без эмоций, все время глядя на собеседника.

– Преподобный что-нибудь говорил? – интересуется Мартин.

– Да. Сказал: «Доброе утро, Робби. Я все гадал, когда же ты сюда доберешься».

– Вы были знакомы?

– Да, мы дружили.

– Вот как?

– Да.

– Ладно, а дальше что?

– Я приблизился на несколько шагов. А потом... как завертелось. Мимо церкви, по Темза-стрит, проехала машина. Я старался не обращать на нее внимания, но все же отвлекся. Не успел опомниться, как оказался на прицеле у Свифта. Он улыбался. Я хорошо запомнил ту улыбку. Спокойная такая. А потом он выстрелил, и я выстрелил. Зажмурился и дважды нажал на курок, а затем открыл глаза и нажал еще дважды. Свифт лежал на земле, в крови. Винтовка из руки выпала. Я подошел и отфутболил ее в сторону. Он там на ступеньках вроде как согнулся пополам. Я дважды попал ему в грудь. Не знал, что делать. Да и что я мог сделать? Просто держал его за руку, пока он умирал. Умирал с улыбкой на губах.

В маленьком офисе повисает тишина. Полицейский с напряженным видом смотрит в окно, на юном лбу пролегла тонкая морщинка. Мартин не торопится разрывать молчание. Он не ожидал такой откровенности.

– Констебль Хаус-Джонс, вы еще кому-нибудь рассказывали об этих событиях?

– Разумеется. Трем следователям и в офисе коронера.

– В смысле, другим журналистам или публично?

– Оно и так все выяснится в ходе судебного дознания. Месяца два осталось. Сержант Уокер предложил рассказать вам, но поставил условие – касаться только неоспоримых фактов.

– Значит, вы не разговаривали с моими коллегами? С Дарси Дефо?

– Нет.

– Ясно. В день стрельбы... что произошло дальше?

– Дальше? Ну, я какое-то время пробыл один. Наверное, люди еще прятались. Я зашел в ризницу и позвонил в Беллингтон по церковному телефону. Один звонок – моему сержанту, второй – в больницу. Затем вышел наружу и осмотрел тела. Постепенно из-за деревьев и машин появились люди. Мы уже ничего не могли сделать. Погибли пятеро, все от выстрела в голову, если не считать Джерри Торлини. Тот сидел в машине и получил свинец и в голову, и в грудь.

– Который выстрел его убил?

– Тот, что был первым. Обе раны смертельные.

– Кстати, а погибшие... они все здешние?

– Более или менее. Крейг Ландерс заправлял нашим универмагом. Альф и Том Ньюкирки владели смежными фермами сразу за Риверсендом. У Джерри Торлини был фруктовый магазин в Беллингтоне и орошаемый сад на берегу Мюррея. Хорас Гровнер был торговым представителем и жил в Беллингтоне. То есть все либо отсюда, либо из Беллингтона.

– Все примерные прихожане?

– Похоже, мистер Скарсен, вас повело в сторону. Вы расследуете стрельбу или пишете о Риверсенде?

– Извините. Очень уж любопытно... Объясните вот что: вы говорили, что считали священника, преподобного Свифта, своим другом. Как же так?

– Это важно?

– Думаю, да. Я пишу о том, как та стрельба сказалась на городе. В числе прочего меня интересует отношение к виновнику.

– Ну, раз вы просите. Не вижу, какое это имеет отношение к делу, но здесь журналист вы. Да, можно сказать, мы дружили. Я считал Байрона Свифта хорошим человеком. Более того, особенным. Он приезжал сюда раз в две недели, ради службы, но, когда я пожаловался на свои проблемы с кое-кем из местных шалопаев, помог открыть здесь детско-юношеский центр. Мы вели там дела вместе. Байрон подъезжал вечером по четвергам, а потом стал навещать и по вторникам. Мы устроили свой центр в одном из разборных домиков на территории школы – в том, что когда-то пострадал от вандализма. Починили его, устраивали спортивные мероприятия: футбол и крикет. Бывало, Байрон возил детишек на речку, к плотине, когда там еще была вода. Меня мальчишки и девчонки почти не замечали, в их глазах я всего лишь городской коп, а Байрон стал для них центром вселенной. Этот человек буквально излучал обаяние, ребята были готовы есть у него из рук. Иногда он ругался, курил, отпускал пошлые шуточки. Им нравилось. Они считали Байрона клевым.

– А вы?

На губах полицейского мелькает сардоническая улыбка.

– Пожалуй, и я считал. Затерянный на равнине городишко вроде нашего немного может предложить детям. Родителям не до них, денег нет, и жарко, как в аду. Вот им и становится скучно, а когда скучно, они начинают бедокурить. Дразнятся, ищут драк. Те, кто постарше, бычат малолеток. А затем появился Байрон и все изменил. Он был... даже не знаю... кем-то вроде Гамельнского крысолова¹². Ребята следовали за ним повсюду.

– Впечатляет. Но вы знаете, что писали о нем после смерти... говорят, он приставал к кому-то из своих подопечных. Что скажете?

– Простите, это предмет нынешнего полицейского расследования. Я не уполномочен давать комментарии.

– Ясно. Возможно, вас не затруднит ответить... водились ли за ним странности?

Робби задумывается.

¹² Гамельнский крысолов – персонаж средневековой немецкой легенды. Согласно ей, музыкант, обманутый магистратом города Гамельна, отказавшимся выплатить вознаграждение за избавление города от крыс, с помощью колдовства увел за собой городских детей, сгинувших затем безвозвратно.

– Нет. Никогда ничего такого не видел и не слышал. С другой стороны, я полицейский офицер. Вряд ли он стал бы со мной откровенничать. Скорее, видел во мне идеальное прикрытие.

– Вас это задевает?

– Конечно.

– Вы сказали, что Байрон был вашим другом. Что он вам нравился. Изменилось ли ваше отношение?

– Я его ненавижу. Забудьте о растлении детей, оно тут ни при чем. Свифт убил пятерых неповинных и вынудил меня убить его. Он разрушил семьи и вырвал клочок мяса из сердца уважаемого городка. Предложил надежду и снова ее отобрал. Стал кумиром молодежи, а затем показал ей ужасный пример! Название нашего городка – теперь синоним кровавой бойни. Мы словно цирк уродцев для всей Риверайны. Это клеймо останется с нами навсегда. Я даже близко не могу передать, как ненавижу этого мерзавца!

Покинув через полчаса полицейский участок, Мартин знал, что заполучил сенсационнейший материал – ужасный, захватывающий, в самый раз для главных страниц. Он уже представляет себе красный штамп «эксклюзивно»: герой-полицейский разоткровенничался в первый раз, его душераздирающие воспоминания о том, как он смотрел смерти в глаза, как застрелил друга, как держал его за руку, пока тот умирал. «Просто дурдом какой-то». Это вдохнет новую жизнь во всю сагу, воспламенит воображение публики.

Мартин оборачивается на полицейский участок, радуясь азарту, который почувствовал после интервью. Непонятно, почему констебль согласился поговорить и рассказал все это именно ему, и точно так же непонятно, почему беллингтонский начальник Робби дал свое добро. Но хорошо, что так вышло. Теперь он всем покажет, чего стоит! Макс будет гордиться.

Глава 4. Призраки

Мартин решает еще раз взглянуть на церковь, пройти по следам констебля, однако сперва утолить более насущную потребность в кофе. Половина одиннадцатого, чашечка не повредила бы, но на двери «Оазиса» висит табличка с надписью «Щасвирнус»¹³ и рисунком: Винни-Пух и Пятачок. Может, на автозаправке или в боулинг-клубе найдется что-нибудь мало-мальски сносное? Или вернуться в «Черный пес», намешать растворимого с молоком и выпить еще воды? Нет, лучше перетерпеть.

По другой стороне улицы плетется все тот же тип. Температура за тридцать, и это не предел, все идет к повтору вчерашнего пекла, а старый знакомый в том же сером пальто, как видно, пришитом к телу иголкой хирурга.

В банке напротив пивной женщина снимает деньги в автомате, к универмагу из машины направилась пара, чтобы сделать покупки до того, как начнется самая жара. Между тем мужчина в пальто как сквозь землю провалился. Странно. Сел в машину?

На улице пара пустых автомобилей и ни следа старика. Комиссионка открыта, на тротуаре вешалка с одеждой.

Мартин входит и осматривается. За столом старушка решает кроссворд. Кивнула и вновь уткнулась в газету. Магазинчик маленький. Пахнет антимолю и застарелым потом, вокруг вешалки с поношенной одеждой, надоевшие игрушки и кухонная утварь в сколах. Книг, правда, нет, как и мужчины в пальто.

– Спасибо, – бросает Мартин и направляется к двери.

– Девять букв, место между небом и адом, – спрашивает женщина, не поднимая головы.

– Чистилище.

Старушка хмыкает и вписывает слово.

На улице Мартин вновь озадаченно озирается. Куда же подевался старый хрен? Сразу за парикмахерской заброшенное здание: цепь и замок на двери не тронуты. Чуть дальше на тротуаре щит риелтора: объявление, что открыто. Проверить у нее? Только вряд ли старик может себе позволить сделки с недвижимостью. А это что? Между заброшенным магазином и конторой риелтора бежит узкая улочка меньше метра шириной. Бинго! Впрочем, какая разница. Лучше разговорить ту, с кроссвордом: «Как дела? Наверное, сдают на комиссию больше, чем покупают? Уезжают из города, избавляются от барахла?» Или побеседовать с риелторшей: «Банки все чаще отбирают недвижимость? Как думаете, почему люди не в состоянии выплатить ипотеку? Виновата засуха или та кровавая бойня?» Впрочем, времени на выяснение полно. Все-таки констебль Робби Хаус-Джонс уже записан на телефон и тем самым сохранился для вечности, а остальное – не более чем колоритные штришки.

Улочка бежит между двумя зданиями, с каждой стороны по кирпичной стене. Всюду разбросаны газеты и пластиковые мешки, воняет кошачьей мочой. Куда бы поставить ногу? Дальний конец, похоже, перегороден листом рифленой жести. Слева – зарешеченное окошко, забранное стеклом с морозным узором. Скорее всего, за ним у риелторши туалет. Дальше утопленная в стену деревянная дверь с облупившейся красной краской. Толкнуть?

Дверь с жалобным скрипом отворяется. Комната за ней словно явилась из другого времени. После ослепительно яркой Хей-стрит здесь темно, свет поступает через заколоченное окно: одна из досок оторвана. В потолке несколько прорех, через одну падает пук солнечных лучей, подсвечивая облачко медленно кружащейся пыли. Просторная комната: широкие покорбленные половицы, два стола, несколько стульев, пара скамей у дальней стены. Столы и стулья из ДСП: дешевая мебель, изготовленная многие десятки лет назад, в середине прошлого

¹³ Щасвирнус – отсылка к «Винни-Пуху» (пятнистый Щасвирнус).

века. На табурете за прилавком или, возможно, барной стойкой сидит спиной ко входу тот самый старик в пальто. Перед ним коричневатый бумажный пакет, из которого торчит горлышко откупоренной бутылки.

– Доброе утро, – здоровается Мартин.

– А, Хемингуэй, это ты, – равнодушно бросает мужчина и отворачивается.

Мартин подходит к стойке. Рядом с мужчиной еще один табурет. На столе два стаканчика, до половины наполненные чем-то темным и вязким. Старик держится за один. Больше никого. Мартин садится рядом.

– Что ж. – Старый забулдыга с усмешкой отрывается от созерцания напитка. – На сей раз ты почти прав.

– Как это?

– Время утреннее.

– С кем вы пьете? – любопытствует Мартин.

– Ни с кем. С тобой. С призраками. Какая разница?

– Наверное, никакой. Что это за место?

Мужчина оглядывается, словно только сейчас осознав, где сидит.

– А это, друг мой, риверсендский винный салун.

– Похоже, он знавал лучшие дни.

– Как и мы все.

Если и пьян, по нему незаметно. С алкоголиками такое бывает. Либо время слишком раннее. Грязные, всклокоченные волосы до плеч припорошены сединой. Лицо заросло спутанной бородой, выдублено солнцем и ветром. Губы потрескались, но взгляд хитрый, и глаза не так уж налиты кровью.

– Никогда не слышал о винных салунах, – говорит Мартин.

– Немудрено. Наша страна полна невежд. С какой стати ты должен отличаться?

Голос мужчины звучит раздраженно и в то же время весело.

Не зная, что сказать, Мартин смотрит на стакан перед собой.

– Давай, хлебни. Не умрешь, – говорит старик.

Мартин уступает. В стакане дешевый портвейн, сладкий до приторности. В ответ на одобрительный кивок мужчина криво усмехается.

– Ты вроде бы спрашивал о «Коммерсанте» напротив? Много уже таких видел, верно? Типичнейшая австралийская гостиница, хоть сейчас на открытку для друзей-янки... или в перечень охраняемых исторических памятников. Ладно, не то место. Тут история, которую никогда не расскажут.

– Не понимаю.

– Твою мать. Ох уж мне эти молодые умники. У вас что, в университетах совсем историю отменили?

Мартин в ответ смеется.

– Что ржешь, Хемингуэй?

– Лично я в университете историю проходил.

– Вот как? Иди требуй назад деньги за обучение. – Отсмеявшись, старый сын тут же становится серьезным. – Как это на вас, молодых, похоже. В прежние деньки, когда история еще кого-то интересовала, в «Коммерсанте» было три бара. Бар-ресторан: туда ты мог сводить семью на обед. Бар-салун: дам впускали, а от мужского пола требовали внешний вид. Рубашку с воротничком, брюки или шорты с длинными носками. Местечко считалось очень модным, должен сказать. А еще был бар спереди, для рабочих. Вот туда-то косцы, ребята из зернохранилища и дорожные бригады заходили на кружечку пива, не моясь. Там они могли свободно сквернословить, выпускать пар и глазеть на официантку. Грубоватое местечко.

– А здесь? Что насчет этого места?

- Здесь собирались те, кто был недостаточно хорош для последнего бара.
- Seriously?
- Конечно, серьезно. Я что, похож на клоуна?
- Ну и кто сюда ходил?
- Ты вроде умный. Слышал когда-нибудь о посттравматическом стрессе?

Мартин кивает. Он не собирается признавать, что даже после года консультаций у психолога это состояние остается для него тайной, покрытой мраком.

– Что ж, одно время нашу страну буквально наводнили его жертвы, да. Только тогда он назывался по-другому. Военным неврозом, а может, и вообще никак. Тысячи людей, десятки тысяч. Те, кто вернулся с Западного фронта. Позднее к ним добавились те, кто сражался с Гитлером и япошками. Кто без рук, кто без ног, глухие, слепые. Больные сифилисом, трипаком, туберкулезом. Встречались и похлеще. Мерзкие, опасные, вечно пьяные люди. Скитались по аграрным районам, во времена Великой депрессии аж целыми стадами, с места на место, будто овцы, разве что не на бойню, а с нее. Видал тот памятник на перекрестке у пивной? Та еще шуточка. Их отлили в бронзе, подняли на пьедестал, назвали героями. Правда, некоторые из тех, чьи имена вырезаны на том самом памятнике, при ином раскладе закончили бы свои дни в местах вроде этого. Такие винные салуны были повсюду, что в городах, что в буше¹⁴. Каждый сельский городок один да имел. В те времена жизнь сильно отличалась. Ни тебе медицинских страховок, ни льгот. Люди сами лечились. Такие салуны продавали отнюдь не приличное вино. Дешевое пойло – литрухи портвейна или хереса, самогон. Скверно, доступно, убойно. Вот здесь они и сидели, те ходячие призраки, которых не привечали в гребаном «Коммерсанте».

– Вот уж не знал, – отвечает Мартин. – Значит, вы из тех ветеранов? Вьетнам?

– Я? Не-а. Если я и ветеран, то не военный.

– Тогда почему приходите сюда, а не в пивную? Или клуб?

– Потому что я немного похож на тех давнишних парней. Меня не привечают в приличных местах.

Да и потом, нравится мне здесь. Никто не действует на нервы.

– Почему не привечают? – допытывается Мартин.

Старик отпивает большой глоток.

– Пивная закрылась. Еще хочешь?

– Рановато для меня нажираться.

Мартин улавливает шорох. У стены, под скамьей, вдоль плинтуса крадется мышь.

– Я тут не особо любовью пользуюсь, – признается старик. – Не живу по общепринятым стандартам. Ты первый, кому я в этом году сказал больше трех слов.

– Тогда почему вы здесь остаетесь?

– Я тут вырос, здесь моя родина, и пошли все на хрен.

– Что вы сделали? Чем всех против себя настроили?

– Честно говоря, ничем. Или почти ничем. Ты поспрашивай, послушай народ. Они тебе понарасказывают. Мол, я жулик и полжизни просидел в тюрьме. Все это чушь собачья, но люди верят тому, чему хотят верить. Да мне и плевать. Их проблема.

Мартин изучает лицо собеседника. Нос-картофелина, усеянный прожилками, седая борода. Лицо человека пожившего, однако в тусклом свете не определишь возраст. Где-то между сорока и семьдесятю. На запястьях – размытая синева тюремных татуировок. Глаза настроженные – оценивают собеседника.

– Что ж, приятно было познакомиться. Пойду, пожалуй. Как вас зовут?

– Снауц. Харли Снауц.

– А я Мартин Скарсен.

¹⁴ Бушленд – поросшие кустарником равнины в Австралии и Африке.

Рукопожатием они не обмениваются.

Мартин разворачивается к выходу, но старик еще не закончил.

– И насчет священника тебе наплетут, а ты не особо уши развешивай. Люди верят тому, чему хотят верить, только и всего.

– Вы о чем?

– Он, приятель, был душка. К любому сердцу мог подобрать ключик. Люди его любили, вот и не хотят признавать, что в нем ошиблись.

– В плане?

– Детишки. Заметка твоего коллеги... все в ней чистая правда. Просто люди не хотят верить, не хотят признавать, что это происходило у них под носом.

– То есть вы верите, что он был педофилом?

– А то! Видал я его с этими детьми, как он с ними обнимался и тому подобное. Плавал с ними у запруды. Приставал повсюду.

– Вы кому-нибудь рассказывали? Например, полиции?

– Приятель, я с полицией не знаюсь, ну их.

– А что насчет самого Свифта? С ним вы когда-нибудь разговаривали?

– А как же, частенько. Церковник... видно, долгом считал помогать таким, как я. Заглядывал сюда промочить горло на пару со мной. А выпить он мог, да. Не чета тебе, козявке. Грязно шутил, рассказывал скабрёзные истории.

– Что? Свифт намекал на свои делишки?

– Ага, намекал. Можно и так сказать. Небось приходил сюда меня прощупывать, искал себе сообщника, а как только понял, что не на того нарвался, тут же отвалил. Знаешь, дружок, я невидимка. Хожу по городу, и люди меня не видят. Но я-то все вижу.

– И что же вы видели? Застали Свифта за чем-нибудь незаконным?

– Незаконным? Нет, я бы так не сказал. Зато я видел его с теми детьми, слышал его мерзкие шуточки. Не верьте всему, что вам рассказывают, вот, собственно, и все.

– Ясно. Спасибо.

– Да ну, пустяки. Даже не заикайся о благодарности. И обо мне, кстати, тоже. Нечего полоскать мое имя в вашем грязном листке.

– Посмотрим.

– Журналюга хренов.

На улице уже настоящее пекло, воздух пахнет пылью, которая от солнца слегка отдает антисептиком. Мартин пересекает улицу, взяв курс на «Оазис». Табличка с Винни-Пухом уже исчезла с двери. Не подсматривает ли сейчас человек-невидимка через щель в заколоченном окне? Хотя нет, Харли Снауц, скорее всего, до сих пор в баре, беседует с своими призраками.

Мартин останавливается посреди дороги и, обернувшись, делает снимок. Контрастность, скорее всего, окажется чересчур высокой: фасад салуна слишком темен на ослепительном солнечном фоне. Сколько ни щурься, на дисплее телефона все равно ничего не прочитаешь. Тогда снова ржавую цепь с замком – еще крупнее.

Как ни странно, сегодня в «Оазисе» посетители. За столиком пьют чай две пожилые женщины. На расчищенном месте посреди ковра, рядом с детским манежем, тихо покачивается в легкой колыбели малыш, посасывая бутылочку.

– Доброе утро! – здоровается Мартин.

– Что правда, то правда, – с лучезарной улыбкой отвечает одна из женщин.

Через дверь-воротца в конце магазина протискивается Мэнди с подносом, на котором горка сконов с джемом и сливками.

– Удивлены? – одаривает она Мартина своей улыбкой с ямочками. – Час пик. Позвольте, я сначала отпущу сестер.

Через несколько минут она отдает женщинам их утренний чай и возвращается.

– Привет! Надеюсь, вы не поговорить пришли. Лиам сегодня утром все нервы вымотал. Вам что-нибудь принести?

– Странно, ваш сын вроде в хорошем настроении.

– Ага. Подождите, сейчас закончит бутылочку и тогда...

– Что ж, мне большую порцию флэт уайт¹⁵. Самую большую, что у вас есть. Двойную, а то и тройную.

– Будет сделано. Хотите с собой?

– Я бы лучше здесь, если не возражаете.

– Не проблема. Возьмите какую-нибудь книжку, пока ждете. Вчера вы забыли.

Мартин следует совету, но сначала без толку воркует над малышом. Толстощекий карапуз в упор отказывается его замечать, присосавшись к бутылочке.

Глазки у него темненькие, на голове – копна каштановых кудряшек. Старушки смотрят на мальчика снисходительно.

К возвращению хозяйки Мартин выбирает пару потрепанных книг в мягкой обложке: одна детектив, вторая – рассказ о путешествии, обе от неизвестных авторов. Мэнди притаскивает баварскую глиняную кружку для пива, накрытую металлическим конусом.

– Вы серьезно? – смеется Мартин.

– Кружки побольше у меня не нашлось.

– Спасибо!

Наслаждаясь кофе, он вяло листает книги. Старушки допивают утренний чай и, поблагодарив Мэнди, рассчитываются, ни на секунду не теряя жизнерадостности. Мэнди собирает за ними тарелки и уносит.

Занимательная система. Если основной доход приносят кофе и пирожные, то на это ничто не указывает. Ни столов со стульями, просто старые кресла и редкие столики. Ни кофемашины, ни электрочайника, даже нет витрины с пирожными и печеньем. Все в подсобке, как будто однажды кафе просто спонтанно возникло, а Мэнди с ее матерью так и не удосужились наладить дело как полагается. Не исключено, что это как-то связано с лицензированием или требованиями санитарной службы.

Вернувшись, Мэнди вынимает своего малютку из колыбели и строит ему рожицы, издавая всевозможные забавные звуки, которые завершаются громким фуканьем в животик. Мальчик заливается смехом. Любовь матери к нему и ее удовольствие несомненны. Прижав сынишку к себе, она опускается в кресло.

– Итак, Мартин, как продвигается ваша работа?

– Не так уж и плохо, учитывая, что я здесь меньше суток.

– Слыхала, вы разговаривали с Робби. Он сказал что-нибудь интересное?

– Да. Ваш констебль весьма словоохотлив.

– Он ведь тоже не знает, почему Байрон так поступил?

– Понятия не имеет.

Мэнди становится серьезнее.

– А что насчет обвинений в педофилии?

– Мы этого почти не касались. Констебль сказал, что никогда не видел никаких тому доказательств.

Она улыбается.

– Я же вам говорила. Никто в это не верит.

– Кое-кто верит.

– Например?

¹⁵ Флэт уайт – кофейный напиток родом из Австралии. Готовится путем добавления нагретого паром молока с небольшим количеством пены (0,5 см) в двойную порцию эспрессо.

– Харли Снауч.

Она меняется в лице. Улыбки больше нет, вместо нее – сердитый, почти презрительный взгляд.

– Значит, вы его нашли? Притаился там, в своем логове через дорогу.

– Вы о винном салуне? Хм. Получается, вы в курсе?

– Еще бы! Этот извращенец сидит там и подглядывает за мной. Думает, я не знаю, но я-то знаю. Старый похотливый урод!

Мартин окидывает взглядом японские ширмы, расставленные перед окнами магазина, и понимает, что неправильно оценил их назначение: думал, они просто для защиты от жары и света.

– Почему Снауч за вами шпионит?

– Он мой отец.

Мартин хмурится.

– Как так?

– Этот старый козел изнасиловал мою мать.

Мартин потрясенно застывает с открытым ртом. И надо бы что-то сказать, но попросту нет слов.

Мэнди смотрит на него. Взгляд тяжелый, оценивающий.

– Б-боже, – наконец, заикаясь, произносит Мартин. – Как вы это выносите? Почему не уезжаете?

– Еще чего! Этот гад уничтожил жизнь моей матери, но не уничтожит ее магазин. И я не позволю ему уничтожить меня!

Снаружи Мартин задерживается в тени, откидывает жестяную крышечку и отхлебывает кофе. Остатки еле теплые, что не так уж и плохо, учитывая жару. Прищурившись от яркого света, он вперивается взглядом в винный салун напротив – здание, еще недавно безликое, теперь кажется зловещим. Подглядывает ли за ним сейчас Снауч сквозь щели в заколоченных окнах, или его вниманием безраздельно завладели призрачные солдаты? Кто знает. Может, вернуться в салун, разобраться со Снаучем? А смысл? Высказать все? Ну, и как это поможет Мэнди? И как это поможет статье?

Мартин отказывается от идеи с салуном и взамен направляется к месту кровавой бойни. Свернув на Сомерсет-стрит, окидывает взглядом памятник солдатам, минует банк, полицейский участок и школу. А вот и место, где Сомерсет изгибается под прямым углом и потом ведет напрямик к церкви. Именно тут от пули в шею умер Крейг Ландерс, пытавшийся спастись бегством. Церковь Святого Иакова уже хорошо видно, метров сто, не больше. Чертовски меткий выстрел для проповедника. Может, остались какие-нибудь следы на месте, где лежало тело? Но нет, ничего.

Мартин трогается дальше. Интересно, каково в тот день было Робби Хаус-Джонсу? Вообще без прикрытия, только броник и пистолет, а преступник вооружен винтовкой, и преодолеть нужно семьдесят пять метров по открытой местности. Может, Хаус-Джонсон и выглядит как подросток, но кишка у парня отнюдь не тонка.

Фотографируя в очередной раз, он рисует в уме живописную картинку, словно воочию наблюдая беспокойство молодого полицейского. Осторожно поставив на землю кружку с кофе, открывает в телефоне аудиоприложение и ищет утреннее интервью. Беспорядочно гоня запись туда-сюда, с грустью вспоминает простоту своего старого кассетного диктофона. Вот и нужное место. Мартин ставит сухой рассказ полицейского на воспроизведение и считает выстрелы.

«Утро выдалось теплое, но не такая жарница, как сегодня, так что окно было открыто. Совершенно обычный день. Время близилось к одиннадцати, я как раз закруглялся с делами.

Не хотел опаздывать на богослужение. И тут раздалось что-то вроде выстрела...» – один, – «...затем снова...» – второй, – «но я не придал значения. Может, двигатель в машине или детишки с петардами забавляются, всякое бывает. Потом донесся крик, мужской крик, и еще два выстрела...» – третий и четвертый, – «...тогда-то до меня и дошло. Я был без формы, но достал из шкафчика пистолет и вышел на улицу. Последовали еще два выстрела, один за другим...» – пятый, шестой, – «...прогудела машина, снова послышались крики – все со стороны церкви. Кто-то бежал к школьному двору, в мою сторону. Раздался еще один выстрел...» – седьмой, – «...и тот человек упал. По правде сказать, я не знал, что делать. Все казалось ненастоящим, просто дурдом какой-то.

Я вернулся сюда, позвонил домой сержанту Уокеру в Беллингтон и предупредил его. Затем надел бронежилет, вышел и по Сомерсет-стрит подбежал к упавшему телу. Это был Крейг Ландерс. Мертвый. Один выстрел в шею – и готово. Натекло много крови. Очень много. Я ничего больше не видел, никого не слышал. Крики заглохли. Наступила гробовая тишина. На Сомерсет возле церкви стояла машина, и еще несколько неподалеку, под деревьями на Темза-стрит. Я понятия не имел, сколько там людей. Между мной и церковью не было никакого укрытия. Я чувствовал себя как на ладони. Подумывал сбежать обратно в участок, взять машину, но тут грохнул еще один выстрел», – восьмой. – «Вот я и пошел к церкви».

Мартин закрывает аудиоприложение и прячет телефон. Ну и жарница!

Школе не помешало бы посадить пару деревьев. Он подбирает кружку и направляется к церкви. Возможно, хоть там найдется тень. Восемь выстрелов. Крейга Ландерса – в шею с сотни метров. Еще троих – в голову. Джерри Торлини – в голову и грудь. Восемь выстрелов, шесть прямых попаданий. И все же, когда констебль Хаус-Джонс прицелился в священника с расстояния всего в несколько шагов – достаточно, чтобы убить двумя пулями в голову из табельного пистолета, – преподобный нажал на курок первым и промахнулся. Бессмыслица. Возможно ли, что Байрон Свифт специально выстрелил мимо, вынуждая себя убить? Момент отрезвления после устроенного им побоища?

У церкви Мартин мысленно переключается на молодого констебля, пытаясь представить ход его мыслей. Неся кружку так, как, вероятно, Хаус-Джонс держал свой пистолет, он подходит к зданию, приостанавливается, делает глубокий вдох и сворачивает за угол.

– Черт!

– Что такое? – спрашивает мальчишка, сидящий на церковном крыльце.

– Извини. Просто не ожидал никого.

– Оно и видно.

На мальчике шорты, футболка, панама и вьетнамки.

– Что это у вас? – спрашивает он.

– Это? Немецкая пивная кружка. С кофе.

– Из нее вкуснее?

– Нет, просто она большая.

– Видать, вы любите кофе.

– Точно.

Мальчику лет тринадцать, только вступает в юность. Мартин подходит к нему и, осмотревшись, присаживается на краешек большого ящика для цветов. В нем ничего не растет – просто плотно утрамбованная земля.

– Меня зовут Мартин. А тебя?

– Люк Макинтайр.

– Что делаешь, Люк? Разве ты не должен быть в школе?

Мальчишка насупливается:

– У вас что, детей нету?

– С чего ты решил?

– Сейчас январь. Середина школьных каникул.
Мартину вспоминается пустой школьный двор.

– Да, точно.

– Разве вам не надо быть на работе?

– Верно подметил. И все равно, странное ты выбрал занятие для каникул. Сидишь тут на солнцепеке.

– Надеюсь, вы не лекцию о раке кожи читать сюда пришли? На мне шапочка.

– Нет, обещаю: никаких лекций. Просто мне любопытно, что ты тут делаешь.

– Ничего. Я не делаю ничего плохого. Пришел посидеть. Никто сюда не ходит. Здесь тихо.

– Теперь – да, но ты, наверное, знаешь, что тут случилось?

– Кровавая бойня. Священник сидел на этом самом крыльце, а полицейский его застрелил. Еще миг назад Байрон был жив, дышал, а в следующий – его не стало. Труп. Две пули в грудь. Одна попала в сердце.

Мартин хмурится. В голосе мальчика проскальзывает какая-то отрешенность.

– Так ты поэтому сюда пришел?

– Сам не понимаю.

– Священник... вы были знакомы?

– Вы о преподобном Свифте? Конечно.

– Может, расскажешь о нем? Каким он был?

– Зачем вам это?

– Я журналист, пишу статью. Пытаюсь разобраться, что случилось.

– Не люблю журналистов. Вы хоть не Дарси Дефо, надеюсь?

– Нет, не Дарси. Я называл тебе свое имя. Мартин. Мартин Скарсен. Я не собираюсь тебя цитировать. Не укажу твое имя и тому подобное. Просто хочу понять, что здесь случилось.

– Не знаю.

– Слушай, Люк, допустим, тот другой журналист был не прав, но дай мне все сделать правильно. Воспользуйся своим шансом!

Люк призадумывается, кладет ладонь на ступеньку и закрывает глаза, словно в поисках подсказки или разрешения свыше.

– Ладно. Что хотите знать?

– Ну, что за человек был преподобный Свифт.

– Байрон. Он велел обращаться к нему по имени. Потрясный был мужик. Внимательный к нам, не давал большим ребятам задирать младших. Собирал нас вместе, и мы отпадно проводили время. Научил дружить. Мы частенько отпраивались к запруде за дорогой, плавали, разбивали лагерь, палили костры. Пару раз он нанимал нам автобус, возил в беллингтонский аквапарк или на картинг. Платил за нас из своего кармана. А еще научил нас всяким клевым штукам. Как разжигать костер без спичек, как выслеживать зверей, как быть, если укусила змея – все то, что мой старик ни хрена бы не сделал. А еще спорт всякий: футбол, крикет, бейсбол. Байрон был совсем не таким, как другие взрослые.

– А что насчет констебля? Хаус-Джонс тоже ведь помогал.

– Вряд ли ему по-настоящему было до нас дело.

– В смысле?

– Старшие ребята говорили, он неровно дышал к Байрону.

Мартин невольно улыбается.

– Ты тоже так думаешь?

– Не-а. У них с головой не в порядке.

– Ты явно много думал о преподобном Свифте. А он, должно быть, много думал о тебе. Скажи, он когда-нибудь...

– Приплыли. Говорите, вы другой? Не такой, как остальные репортеришки? Чушь собачья! Сейчас, небось, спросите, трогал он меня когда-нибудь или нет. А может, вас интересует, предлагал ли он потрогать его? Показывал член, просил его поцеловать? Трахал меня в задницу? А не пошли бы вы все! Достали... журналисты, учителя, гребаные копы и даже мамаша моя собственная! Нет, Байрон ничего такого не делал. Ни со мной, ни с кем-то еще. Я был ребенком. Двенадцатилетним! Понятия обо всем этом не имел, даже что такое бывает! И тут являетесь вы, взрослые всезнайки, и начинаете допытываться: делал ли он то, делал ли он се. А Байрон мертв, убит пулей, черт бы вас побрал! А вам всем насрать! Насрать, насрать, насрать! – Из глаз мальчика брызгают слезы, текут по щекам. – Да еще и ты... заявляешься прямо сюда, где он умер... и опять вопросы! Знаешь что? Урод ты, Мартин Скарсен! – Мальчик, срывается с места и убегает – через дорогу, мимо деревьев, вверх на берег водохранилища, а затем исчезает из виду, спустившись по насыпи к реке.

– Твою мать!

Мартин допивает кофе, однако тот больше не приносит ему удовольствия.

Глава 5. Равнина

Мартин сидит у себя в мотеле «Черный пес» и не понимает, какого хрена во все это ввязался. Макс Фуллер, редактор, а также давний друг и наставник, не побоялся поручить это задание ему, хотя в редакции многие кривили носы. И вот он всеми силами старается оправдать их сомнения. А ведь задача проще некуда – описать, как живет город после трагедии. Больше очерк, чем репортаж: прямо по его части. Однако вместо того чтобы расспросить бармена из клуба и продавщицу комиссионки или разыскать риелторшу, он только побеседовал с бывшим заключенным в винном салуне, подбивает клинья к хозяйке книжного, которая все еще горюет по матери, да нанес душевную травму и без того травмированному ребенку. А еще подсчитывает выстрелы, словно недоумок, помешанный на теориях заговора. Спрашивается, какого черта?

Мартин идет в туалет и опорожняет мочевой пузырь. Струя ярко-желтая. Обезвожен, решает он. Немудрено. Болтается тут по городу, будто Шерлок Холмс хренов. Нет бы заняться своими прямыми обязанностями.

Вымыв руки, Мартин плещет водой в лицо и смотрит в зеркало. Глаза припухшие, красные от недосыпа, кожа бледная, несмотря на первые признаки солнечного ожога, лицо в целом обвисшее, с первым намеком на бульдожьи щеки. Сорок лет, а с виду старше. Красавец-мужчина остался где-то там, на Ближнем Востоке. Мэнди Блонд небось надрывает живот со смеху. До чего он жалок! Прав был мальчишка: такого уroda еще поискать.

Все, с него довольно. Он не справится. Уже не справится, не выдержит. Три бессонных ночи в мотеле, три дня блуждать по городу, беря его не зажившие после трагедии раны. Зачем? Ради бойкой статейки для мимолетного развлечения пригородов? В Риверсенде она рванет, словно бомба, а его обитатели и без того едва начали собирать свою жизнь по кусочкам. Впрочем, к тому времени он уже вернется в Сидней и будет принимать поздравления коллег и традиционные благодарности от начальства вдалеке от местных проблем. Мальчик... он искал на церковном крыльце утешения, а потом удрал в слезах к высохшему речному руслу. А все из-за него. Нет, хватит. Пора уезжать. Пора найти другое занятие, которое позволит скоротать время между сиюминутным настоящим и вечным забвением.

Владелица за стойкой портье наотрез отказывается идти навстречу:

– Прости, милый. Никакого возврата средств. Мы, как отель «Калифорния». Въехать можно – выселиться нельзя.

Мартину не смешно.

– Ладно, выселяться не буду, но уехать – уеду. – Он берет ключи со стойки. – Пришлю их вам почтой. Не пускайте никого в мой номер.

– Тебе виднее. Верни нам ключ до конца следующей недели, не то спишем с кредитной карты еще полтинник. Счастливого пути!

Улыбка у женщины столь же неестественная, как и цвет волос.

Высокое солнце обрушивается на автостоянку, будто молот на наковальню. Совсем как вчера, в день приезда, только добавился порывистый ветер, будто мехами нагнетающий попустынному горячий воздух. К счастью, арендованная машина стоит в тени, под навесом. Мартин закидывает в багажник сумку, бросает на заднее сиденье рюкзачок с самым необходимым и остатки воды в бутылках, делает из уже открытой долгие глотки и кладет ее на пассажирское сиденье.

Подъехав к шоссе, он сам еще не знает, куда направится. Билеты на самолет не заказаны, Макс Фуллеру и остальным не позвонил. Но в Риверсенде он не останется, это главное. Подчинившись прихоти, Мартин сворачивает направо, к Беллингтону и Мюррею. Там кофе, сотовая связь и Интернет. И вода в реке.

Дорога пряма, как линейка, и пустынна, если не считать редких зверушек, задавленных в ночи фурами.

Мартин замороженно смотрит в зеркало заднего вида. Основания зернохранилищ уже растворились в мареве, только их верхние половины еще жутковато парят в небе.

Остановив машину, он выходит. Мираж никуда не делся. Мартин щелкает телефоном последний снимок. Риверсенд, тающий снизу вверх.

Едва автомобиль набирает скорость, как откуда ни возьмись появляется пикап. Еще миг назад Мартин был один – земля, небо, дорога и ничего больше, а в следующий – глохнет от гудка клаксона. Невольно дернувшись, он едва не съезжает в кювет. Вскоре пикап оказывается бок о бок с его машиной и из пассажирского окна выставляет голый зад какой-то молокосос. Раздается сиплый смех, визгливый голос кричит непристойности. Мартин давит на тормоз, и парочка на пикапе уносится прочь, показывая ему факи сразу с водительской и пассажирской сторон. Сзади на машине висит знак: «За рулем – новичок».

– Твою мать!

Мартина потрясла неприятная встреча. Он подумывает съехать на обочину, однако не делает этого. Какая разница, сидишь ты в неподвижной машине или выдаешь сто десять километров в час? Мысленно он уже превращает это событие в рассказ, произнося его вслух, как будто до сих пор планирует написать свой очерк.

Пикап растворяется в зыбкой дали. Мартин снова один на плоской безликой равнине. Где же темная линия деревьев, риверсендский отрезок реки? Похоже, остался далеко позади, а до Мюррея еще полтора часа с лишним. Вокруг только чахлые соляные кусты¹⁶, земля и однообразие. Машина одна на шоссе, несется из иллюзорного прошлого к неопределенному будущему. Как будто подвешен в воздухе и вращаешься по земной орбите. Приятная иллюзия, будто движется не машина, а земля. Впрочем, пора возвращаться к действительности, впереди стремительно приближается поворот.

Собравшись, Мартин чуть-чуть сбрасывает скорость и проносится мимо женщины, которая, стоя на обочине возле красной машины, лихорадочно машет ему руками.

Удар по тормозам. Кажется, машина сбрасывает скорость целую вечность. Теперь разворот на сто восемьдесят градусов и обратно к женщине. Только он, затормозив, опускает окно, как та уже у его машины. Это Фрэн Ландерс, хозяйка универмага.

– Помогите! – запыхавшись, просит она. – Авария. Вон там!

Мартин выходит из машины. Все ясно. Тот самый пикап. Не вписался в поворот и вылетел с трассы. Вон он, сотней метров дальше, в поле.

Мартин бросается к пикапу через брешь, пробитую тем в придорожной ограде.

Впереди на земле что-то смятое. Человек. Не двигается. Тот самый юнец, еще со спущенными штанами. Угол, под которым повернута шея, говорит сам за себя. Умер.

Сзади ахает Фрэн.

– Быстрее! – бросает он.

Остаток расстояния до пикапа оба пробегают. Машина стоит на колесах, как и положено, мордой к шоссе, но лобового стекла больше нет, и крыша частично вдавлена. На водительском сиденье навалился на сдутую подушку безопасности юноша без сознания. Из пореза на голове стекает кровь, лицо белое, как мел, губы синие.

– Джейми! – потрясенно выдыхает Фрэн. – Божечки! Это Джейми, мой сын!

Мартин протягивается к молодому человеку через разбитое окно, нащупывает пульс. Пульс есть.

¹⁶ Австралийский соляной куст – название многочисленных кустарников или трав, принадлежащих к семейству маревых; эти кустарники произрастают на засоленных почвах морского побережья и центральных засушливых районов.

– Не прикасайтесь к нему! – взвизгивает Фрэн. – Позвоночник. Еще сделаете Джейми калеккой. Прошу вас, не двигайте его!

Пропустив ее слова мимо ушей, Мартин залезает внутрь и, взяв парня под затылок и подбородок, осторожно укладывает на подголовник. Челюсть не закрывает, наоборот, засовывает ему в рот пальцы и, мечтая, чтобы Фрэн прекратила вопить, вытаскивает запавший язык. Тот высвобождается с влажным щелчком, будто пробка из бутылки, и юноша снова начинает дышать, с жутким сдавленным звуком втянув воздух. Мартин встает и разминает затекшую спину. Притихшая Фрэн замерла. Из правого глаза у нее выкатывается одинокая слезинка и падает на иссушенную землю. Взгляд устремлен на Мартина.

– Ваш сын...

Она поворачивает голову к парню. Его лицу постепенно возвращается цвет, губы розовеют. Осмотрев своего мальчика, Фрэн тянется к нему промокнуть кровь со лба.

– С ним все будет хорошо?

– Пожалуй. Ваш Джейми выживет, но нужна помощь. Я вернусь в Риверсенд, оттуда позвонят в Беллингтон. Вы же оставайтесь здесь, присматривайте за сыном. Если очнется и сможет двигаться, пусть выбирается из машины и ложится. Дайте парню попить, но чтобы никакой еды. Если долго не будет приходить в себя, положите ему на голову мокрое полотенце. И держите Джейми по возможности в тени.

Пройдя назад, Мартин на всякий случай осматривает второго юношу, но тот определенно мертв. Пахнет от тела нехорошо, уже слетаются мухи. Вернувшись на шоссе, Мартин заглядывает внутрь красной машины. На заднем сиденье лежит светоотражающий экран для лобового стекла. Он вытаскивает блестящую фольгу с изображениями диснеевских персонажей и оборачивает парня мультяшными Мики и Гуфи. Даже мертвые заслуживают тени.

Вынимает телефон. Еще один снимок.

Боулинг-клуб пуст, однако не совсем. За стойкой стоит бармен, не Эррол, другой. Мартин устраивается рядом и заказывает бокал легкого пива. За столиком, уничтожая азиатскую еду и запивая ее домашним белым из графина, сидят еще двое посетителей. Едят ножами и вилками, рассеянно отмечает Мартин. Может, существует некая невидимая граница, современный аналог линии Гойдера¹⁷, за которой палочки запрещены и есть предписано столовыми приборами?

В зал входит Робби Хаус-Джонс, все еще в полицейской форме. Пожимает руку Мартину.

– Как успехи? – интересуется констебль.

– Бывало и получше. Как там парнишка?

– С ним все будет хорошо. Увезли в беллингтонскую больницу на осмотр. Синяки от ремня безопасности, сотрясение мозга средней тяжести и парочка треснувших ребер, но ничего серьезного.

– Отличная новость.

– Благодаря вашей сообразительности. Фрэн Ландерс рассказала, как быстро вы действовали. Откуда вы знали, что делать?

– Тренировался для работы в горячих точках. Прошел курс выживания перед отправкой на Ближний Восток. Удушение от шока – то небольшое, что я помню. Можно вас угостить?

– Да, спасибо. Я бы выпил. Мне пива, «Карлтон».

Мартин заказывает.

– Надо будет через день-два взять у вас официальные показания. Неспешно. Со слов Фрэн, картина и так достаточно ясна.

– Не проблема. Кем был погибший парень?

¹⁷ Линия Гойдера – демаркационная линия, проходившая через юг Австралии, севернее которой развивать сельское хозяйство нецелесообразно по причине засух.

– Аллен Ньюкирк. Местный.

– Ньюкирк? Не родственник ли Альфа и Тома?

– Сын Альфа. Парень тогда был у церкви Святого Иакова с отцом и остальными, сидел во внедорожнике рядом с Джерри Торлини. Все видел. Был в его кровянице. После той бойни у парня совсем крыша поехала, так и не смог справиться с потрясением. Я съездил к Ньюкиркам на ферму, огорошил его мать новостью.

– Боже! И как она восприняла?

– А вы как думаете? Муж погибает у Святого Иакова, а Альф хоть и остается жив, но в конце концов находит смерть в глупой автомобильной аварии. Дерьмово, да? Хотя могло быть и хуже, если бы не вы.

– Тогда почему на душе у меня так тошно?

На это у копа нет ответа, и несколько минут оба молча потягивают пиво.

Затем молодой полицейский нарушает тишину:

– Я читал кое-какие репортажи о том, что произошло с вами на Ближнем Востоке. Несладко вам пришлось.

– Да.

– Что именно с вами случилось?

Возможно, дает о себе знать алкоголь или сказались события дня, но Мартин, к собственному удивлению, отвечает:

– Я тогда работал в Иерусалиме, время от времени мотался в сектор Газа. Поездки входили в мои обязанности. Израильтяне отгородились стеной, палестинцев за нее не пускают и, за редким исключением, не выпускают. Но иностранные журналисты, гуманитарные организации, дипломаты и тому подобные могут проехать через КПП. Иногда израильтяне обстреливают Сектор из артиллерии, наносят по нему удар с вертолета или Ф-16, хотя все не так опасно, как можно подумать. По большей части.

Я провел там три дня, а потом работа накрылась медным тазом. В тюрьме на Западном берегу, неподалеку от Иерихона, началось что-то вроде бунта. Израильтяне заперли там самых отъявленных радикалов. Израильтяне считают их террористами, а палестинцы – политическими заключенными. Вы и без меня знаете эту историю. Как бы то ни было, израильтяне направили туда армию, и, прежде чем восстановился порядок, погибло с полдюжину палестинцев. Газа вспыхнула. Я тогда брал интервью у одного чиновника в городе Газа, и вдруг входит мой водитель, объявляет, что нам надо уезжать. Мы сели в его старенький «мерс» и направились к КПП «Эрез», чтобы пересечь границу с Израилем. Я видел боевиков на улицах и понимал, что ситуация взрывоопасна. Водителю кто-то позвонил: впереди был блокпост. Он съехал с дороги во дворы, надеясь его обогнуть. Мы решили, что мне лучше забраться в багажник – подальше от греха. Так я и поступил. Водитель петлял какими-то закоулками, и меня все время ужасно швыряло и вдобавок укачивало. И вдруг мы остановились. Голоса были приглушенными, но я слышал, что водитель с кем-то переговаривается по-арабски. Потом крик, выстрелы, очередь из АК-47. Я чуть не обделался. Мой водитель проорал: «Ладно, ладно!» Я думал, он дает мне знать, что жив, но голоса постепенно удалялись. Его куда-то уводили... я надеялся, что к какой-то важной шишке, где он сумеет все уладить. Он был из влиятельного клана, человек со связями. Мог дать взятку, напомнить о прошлых заслугах или просто убедить оставить его в покое. Все зависело от людей с оружием – к какому клану те принадлежали и на чьей стороне были.

Мартин, замолкнув, делает большой глоток пива.

– А дальше что? – спрашивает Робби Хаус-Джонс.

– А ничего. В том-то и проблема. Я провел в багажнике трое суток. Полнейшая неопределенность. Вряд ли бы меня убили, но кто знает? Могли и в заложники взять. Такое уже бывало. Время шло, и я начал подумывать, что водитель попал в беду, а про меня никто не

знает. Самый страшный момент – осознать, что можешь умереть от истощения. Хотя вода у меня имелась... мы всегда возили в багажнике воду. К тому же стояла зима, ночи холодные, а днем совсем не жарко. Вероятно, я продержался бы неделю-другую.

– Еще по бокалу? – спрашивает Робби.

– Охотно.

Полицейский заказывает два пива.

– Как вы все же выбрались?

– Водитель в конце концов вернулся. Запрыгнул в машину, тронулся с места. Потом в более безопасном месте вышел и открыл багажник. Вокруг головы у него белела повязка. Он спросил, все ли у меня в порядке, сказал, что стоит все-таки пробираться через КПП «Эрез», но я должен оставаться в багажнике. Казалось, прошла целая вечность. Когда мы приехали, он ненадолго приподнял крышку багажника, попросил мой паспорт и все наличные. Прошел по меньшей мере час, затем мы тронулись и проехали самую малость. Подогнав машину как можно ближе к границе, водитель помог мне выбраться и торопливо повел к воротам. Ноги были как ватные, так что он практически тащил меня на себе. Можете представить, какой от меня шел душок. Охрана отдала паспорт и кивком разрешила пройти. Водитель помогал мне преодолеть туннель... он длинный, сотни метров, стены обшиты фанерой и рифленой жстью. Обычно в обе стороны по нему идут люди, но в тот день не было никого. Мы проделали половину пути, добрались до израильского КПП, и тут голос из громкоговорителя приказал водителю оставаться на месте: остаток пути я должен был пройти один. Несмотря на мое плачевное состояние, меня все равно прогнали через все сканеры. В общем, как-то я вытерпел, после чего израильтяне отвезли меня на свой конец тоннеля в какой-то маленькой машинке вроде гольф-мобиля. Там мне разрешили принять душ, накормили, снабдили чистой одеждой. Спросили, что случилось, и я рассказал. Затем меня передали на попечение австралийского дипломата, и я был свободен.

– Помню эту историю. Видел вас в новостях.

– Н-да. Меня из-за нее турнули с работы. Представляете? Я дал интервью одному знакомому с телевидения, а редактор нашего международного отдела пришел в ярость. Хотел знать, почему я не придержал для газеты. Круто, да?

Молодец, сумел рассказать спокойно, хотя все равно слегка не по себе.

– Мартин, насчет той кровавой бойни... сами понимаете, я могу сообщить немного. Я не участвую в дознании. Священник застрелил пятерых, такую работу не дают констеблю, особенно если он сам замешан. Расследование курируют из Сиднея. Сержант Херб Уокер из Беллингтона их местный представитель. Поговорите лучше с ним.

– Херб Уокер. Спасибо. Так и поступлю.

– Разумеется, меня тоже допрашивали. Боже! Расстегнул кобуру – пиши отчет. Вытащил пистолет – и ты попал под внутреннее расследование. Впрочем, его довольно быстро прекратили. Все-таки Свифт убил пятерых. Причем на глазах у свидетелей.

– Все еще мучаетесь тем, что пришлось его застрелить?

– Конечно. Каждый день вспоминаю. Каждую ночь.

– К психологу обращались?

– Вы и не представляете себе сколько раз.

– Помогло?

– Не особенно. А может, и помогло. Не знаю. По ночам хуже всего.

– Понимаю... Перевод не предлагали?

– Конечно, предлагали. Но я хочу вытравить из себя эти воспоминания здесь. Оставить их тут, и потом двигаться дальше. Не желаю брать с собой.

Снова молчание.

– Робби, как думаете, почему Байрон Свифт так поступил?

– Честно? Без понятия. Что-то здесь нечисто. Сожаления, всякие «а что, если» и «могли я поступить иначе» – это все понятно. Однако тревожит и кое-что еще.

– Например?

– Тогда у церкви собралось много людей. Десятка два, наверное. Одних Свифт застрелил, других не тронул. Свидетели в один голос утверждают, что он не впал в ярость. Наоборот, действовал спокойно и методично. При желании мог бы убить намного больше.

– По-вашему, он выбирал жертв не случайно, а наметил их?

– Не знаю. Без понятия. Только он не застрелил ни одной женщины.

– И еще, ваш священник был чертовски метким. Завалить Крейга Ландерса с такого расстояния...

Констебль отвечает не сразу. Оба сидят, уткнувшись взглядами в пиво. Никто не пьет, пенные шапки опали.

– Мартин, в Пустоши живет один старикан, Дедуля Харрис. Вам стоит съездить к нему. Он может многое рассказать о Байроне и его оружии.

– Пустошь? Где это?

– Дикое края, так называемый бушленд, сотни квадратных километров степного кустарника. Они начинаются километрах в десяти от города. Вот, я нарисую вам, как найти Дедулю.

Робби набрасывает на салфетке маршрут, предупреждая о дорожных подвохах и поворотах не туда. Покончив с указаниями, он допивает пиво и, кивнув Мартину, прощается:

– Ну, я пошел. Еще увидимся. И не мучьте себя так, вы спасли пареньку жизнь.

Глава 6. Пустошь

Сегодня солнце жарит еще сильнее. Ветер стал отвратительно горячим, налетает порывами с северо-запада, кидая в лобовое стекло мелкие крупинцы песка. В такую погоду и до пожара недалеко. Все вокруг какое-то болезненное: чахлые деревца, крючковатые кусты, а между ними – редкие проплешины травы. Позади пойма и чернозем, впереди – Пустошь, огромный, поросший низкорослыми акациями полуостров, где вообще нет плодородной почвы, только красная в гранулах земля – будто муравьиные гнезда-переростки. После плоской равнины местность приподнялась на метр или два, изобилует собственными впадинами и возвышенностями. Дорога твердая, ухабистая, из тех, что не прощают ошибок. Прорезана давними ливневыми вымоинами и усеяна булыжниками. Время от времени какой-нибудь вылетает из-под колес и стучит о днище автомобиля. Дорога для внедорожников, фермерских грузовиков и прокатных машин. Тише едешь – дальше будешь. Робби Хаус-Джонс предупредил, что ей пользуются немногие, среди непредсказуемых ответвлений и безликой местности легко потеряться, и если сломаешь ось, то найдут тебя нескоро. Так что лучше побережь машину и сохранять терпение.

Что он здесь забыл? Решение покинуть город было импульсивным, неудачная беседа с юным Люком уже воспринимается совсем иначе, блекнет в памяти и вскоре займет место на каком-нибудь редко навещаемом складе вместе с сожалениями и дурными предчувствиями. Робби Хаус-Джонсу нужен официальный отчет о той дорожной аварии и смерти Аллена Ньюкирка, но это лишь повод задержаться в Риверсенде, а не причина колесить по адскому пеклу, ища ниточки к чужим тайнам. Даже не к той истории, ради которой его послали, а к чему-то более неуловимому, интригующему. Видимо, в этом все и дело: журналистский инстинкт вьелся в плоть и кровь, стал его частью и гонит вперед, даже если пороха на такие расследования уже не хватает. Возможно, инстинкт – единственное, что осталось.

Мартин проезжает через ограду, грохоча по решетке для скота¹⁸. На шестах по обе стороны въезда кивают на безжалостном ветру побелевшие коровьи черепа. Черепа – это хорошо: значит, не сбился с пути. Мартин останавливается и делает фото. А вот и развилка, отсюда – налево. Проехав еще с километр, он добирается до деревянных решетчатых ворот. На табличке надпись: «Харрис». Ниже еще одна: «Частная территория! Не стрелять! Не шляться!»

Мартин выбирается из машины под свирепый, словно из топки, зной, открывает ворота и, заехав, снова их закрывает. Дальше ехать не стоит.

Здесь не то чтобы ферма, скорее беспорядочное скопление построек, будто неуклюжий великан сыпанул пригоршню стеклянных шариков, и те раскатились вокруг. Основной строительный материал – рифленая жесь, небрежно примотанная к деревянным столбам. Наиболее продуманно выглядит загон для скота – грубый квадрат, обнесенный досками с местных лесопилен и ржавой стальной сеткой. Внутри пусто, ни коров, ни травы, ни прочей живности, даже мухи улетели.

Мартин покидает кондиционированную прохладу машины, готовый к жаре, однако не к той какофонии, что встречает его снаружи: листы рифленой жести лязгают, скрежещут и дребезжат на ветру.

– Боже мой! – бормочет Мартин, гадая, с чего начать.

Он направляется к самому большому строению, шурясь, чтобы хоть немного защитить глаза от песка, который швыряет в него ветер. Впереди грубая лесопилка, и, судя по виду, ею не пользовались много лет. Слева – более основательное здание, которое, правда, опасно

¹⁸ Решетка для скота – разновидность препятствия для скота, мешающего ему покидать огороженную территорию. Состоит из ямы в земле, накрытой решеткой, в которой застревают копыта.

накренилось и качается на ветру. Гараж. Обе створки деревянной двери нараспашку обвисли на петлях и зарылись в землю, поддерживая все строение, словно карточный домик. Внутри гаража – «додж». Просто остов: капота нет, шины с белой полоской¹⁹ сдуты, некогда черная, а теперь посеревшая краска крошится и вся в ржавых пятнах, как стариковские руки. На заднем сиденье растянулась сучка с выводком щенков. Щенки сосут грудь, но мать не подает признаков жизни, будто сдохла.

А вот и дом, почти неотличимый от других построек, разбросанных по участку, разве что стены стоят более или менее прямо, окна забраны ставнями, а под крышей даже есть карниз. Дверь закрыта – зеленая с облупленной краской, под которой проглядывает посеревшая древесина.

Мартин стучит, хоть и понимает: в такой оглушительный день стучи не стучи – никакой разницы. Вежливые формальности на Пустошах неуместны.

Повернув латунную ручку, он кричит в полутемное нутро:

– Эй! Есть кто живой?

Внутри свет и шум слабее, вонь – сильнее. Бьет в нос еще до того, как глаза привыкают к полутьме: запах пота, псины, прогорклого жира, испражнений, мочи. Обонятельное изнашивание, несмотря на ветер, со свистом задувающий в щели.

– Кого еще нелегкая принесла?

В кресле сидит голый старик, сжимая в руке набухший член.

– Ч-ч-черт... простите. – Мартин понимает, что застал его за мастурбацией.

Но старикан и не думает смущаться.

– Не уходи, ща закончу. – И продолжает себя оглаживать.

Не в силах на это смотреть, Мартин возвращается наружу. Лучше уж металлический лязг, а может, и жара.

Вот же сраное местечко!

Минутой или двумя позже старик выходит, все еще голый. Со сморщенного красного пениса капает.

– Прости, приятель. Застал меня врасплох. Входи, входи. Я Дедуля Харрис. А тебя как звать? – Он протягивает руку.

Мартин переводит взгляд с нее на лицо мужчины.

– Привет, я Мартин Скарсен. – Руку он не пожимает.

– Ясно. Что ж, Мартин, заходи.

Мартин следует за мужчиной в лачугу, старательно отводя взгляд от его дряблой задницы.

– Прости за то, что устроил тут нудистский пляж. Слишком жарко для одежды. Присаживайся.

Старик плюхается в импровизированное кресло-гамак (кусок холста на грубой деревянной раме), где только что ублажал себя.

Мартин оглядывается, не найдя ничего подходящего, переворачивает молочный ящик и усаживается напротив.

– Черт, прости. – Дедуля Харрис удивительно проворно для своего возраста опять вскакивает на ноги. – Не привычен я к гостям, совсем позабыл, как вести себя на людях. Пить что-нибудь будешь? – Он подходит к скамье, поднимает бутылку и пару старых банок из-под «Веджемайта»²⁰.

Мартин и не знал, что такие бутылки еще существуют.

¹⁹ Шины с полосой белой резины были в ходу с начала 1900-х по середину 1970-х годов.

²⁰ «Веджемайт» – фирменное название очень популярного в Австралии пастообразного пищевого продукта темно-коричневого цвета, представляющего собой экстракты овощей и дрожжей. Считается неотъемлемой частью диеты австралийцев.

– Выбор, правда, небогатый, – продолжает старик. – «Шато *«Пустошь»*. Плеснуть стакешек?

– Слишком рано для меня. Да и жарковато.

– Чушь собачья. Приехал в такую даль, и не попробуешь местный продукт! Любишь вино,

Мартин?

– Смотря какое. Что там у вас?

– Это? Да у меня тут не вино, а настоящий динамит! Ты че, в вине не разбираешься?

– Да нет, разбираюсь немного.

– Значит, слышал о терруаре?²¹

Старик произносит слово с безупречным французским акцентом.

– Угу. В хорошем вине всегда есть что-то от земли, на которой рос виноград. Вы об этом?

– В точку. Высший балл. Давай, хлебни... терруар Пустошей в сжиженном виде.

До половины наполнив банку из-под «Веджемайта», он протягивает ее Мартину, а себе наливает полную.

Отхлебнув, Мартин чуть не выплевывает, однако заставляет себя проглотить. Брага – брагой, только хуже. Такое чувство, что с зубов слизало эмаль.

– Ну как?

– М-да, вы отлично ухватили суть Пустошей, – откашлявшись, отвечает Мартин. – Совершенный букет.

Рассмеявшись с непринужденной дружелюбностью, Дедуля сам отхлебывает глоток, причем даже не поморщившись, и ухмыляется Мартину.

– Дерьмо высшей пробы, да?

– Прямо в точку. Что это такое?

– Самогон. Делаю его во дворе. У меня там перегонный куб.

– Твою мать. Да его можно НАСА продавать вместо ракетного топлива.

С гордой ухмылкой старик отхлебывает еще, показывая пожелтевшие пеньки зубов.

– Может, предпочитаешь травку? У меня за домом ее полно. Или табачку? Тоже немного имеется... хотя капризный, сука, и воды ему, и компоста подавай. А травка сама везде растет, даже здесь... и забористей, прямо скажем.

– Нет, ограничусь терруаром. Но все равно спасибо.

– Ладно. – Опорожнив банку, старик удовлетворенно вздыхает и следом столь же удовлетворенно пердит. – Итак, Мартин, что тебя ко мне привело? Догадываюсь, ты не выпить приехал.

На губах Мартина мелькает улыбка.

Дедуля Харрис – поистине отвратительный персонаж и вместе с тем обладает толикой неизъяснимого очарования. Словно для того, чтобы подчеркнуть сей вывод, старикан выразительно чешет яйца. Ну чем не очаровашка?

– Мистер Харрис, мне говорили, что священник, Байрон Свифт, вас иногда навещал. Это так?

– А, преподобный. Прекрасный парень, прекраснейший. Симпатичный малый, чем-то напоминал тебя, разве что помоложе. Да, раньше частенько здесь появлялся. Я так расстроился, когда услышал, что он сделал. Вот уж не думал – не гадал, что Байрон так начудит. Казалось бы, джентльмен до мозга костей. Кто тебе стукнул, что он сюда наезжал? Я-то думал, это наш с ним секрет.

– Так ли уж важно, кто?

– Нет, пожалуй, нет. Ты ведь не коп?

²¹ Терруар – микроклимат, т. е. совокупность природных факторов, которые могут повлиять на качество вина (букет и даже вкус).

– Нет, журналист. Пишу очерк о Риверсенде.

– Черт. Правда, что ли? Ладно, есть у меня парочка историй, да таких, что у тебя волосы дыбом встанут.

– Давайте их сюда.

– Э, нет. Знаю я вашу братию. Взять, например, тебя: приперся, накачиваешь меня вином, думаешь, сейчас всю подноготную тебе выложу. А потом, не успею я прочухаться, как сюда папарацци понаедут.

Дедуля улыбается до ушей, пеньки зубов выстраиваются в ряд, как гусеницы трактора. Словно для того, чтобы подчеркнуть абсурдность своих слов, он дергает себя за яйца. Мартин тоже ухмыляется и, забывшись, отхлебывает бурды из банки. И снова заходится кашлем: со второй попытки вкус ничуть не лучше. Дедуля довольно хохочет.

– Так говорите, наезжал?

– Ну да.

– Зачем?

– Без понятия. Должно быть, ради моего остроумия и прозорливости... а может, душу мою хотел спасти.

– Харрис, я серьезно. Что ему тут понадобилось?

– Ну, иногда мы просто языки чесали. Пили самогон, курили травку. Но в основном ради стрельбы.

– Стрельбы? Вот как?

– Угу. Он любил пострелять.

– А заодно выпить и покурить травки? Хорош священник!

– Это ты верно заметил. К тому же, как зальет в себя немного, сквернословил что твой пьяный матрос. И все равно отличный был парень. А еще никогда не пил и не курил во время стрельбы, только после.

– Занятно. Вы тоже с ним стреляли? И про какую стрельбу речь? По мишеням?

– Нет, не стрелял. Как-то раз пошел было с ним, но Байрон предпочитал обходиться без компании. В основном, бил кроликов. Еще воробьев – прямо в воздухе, я сам видел.

– Воробьи? Ух ты! Должно быть, чертовски хороший стрелок.

– Чтоб мне провалиться, Мартин, верно подметил! Стрелок от Бога. Никогда таких не встречал. Эти ружья... он будто с ними родился. Видел бы ты его в деле! Бывало, как войдет в раж и – «паф-паф-паф!» У мухи крылья отстрелить мог! У него был «двадцать второй». Знаешь, что это? «Мелкашка». Он говорил, из нее попасть трудней. И никогда не охотился на кенгуру, считал это слишком простым.

– Сколько стволов у него было?

– Без понятия. Три или четыре точно. «Двадцать второй», охотничья винтовка, снайперка с оптикой, мощная. Еще дробовик... да какая разница! Он с любым был хорош.

– Где Байрон Свифт научился так стрелять?

– Вроде бы на ферме вырос. Только он не любил рассказывать о своем прошлом.

– Что так?

– Без понятия. – Дедуля Харрис призадумывается, вспоминая. – Он, бывало, покидал город, чтобы пожить дикарем, разбивал где-нибудь лагерь с ночевкой. Говорил, что любит уединение. Здешний буш, Пустошь, тянется далеко, километров тридцать – сорок, аж вон до тех холмов. Десять километров мои, а дальше владения Крауна. Дерьмо полное, ни для земледелия, ни под национальный парк, ни для лесозаготовок не годится. Говно, и все тут. Зато уединения навалом.

– О чем вы говорили во время застолий?

– Ну, знаешь, обычный набор. Философия, религия, политика, сисястые бабы. Скаковые лошади.

– Харрис, вдруг вы мне поможете? Как-то трудно примирить двух столь разных Байронов Свифтов. Он и пастор, столп общества, и в то же время не брезгует дешевым пойлом, балуется травкой и бродит по окрестностям, паля по пичугам. Не представляю себе такого священника.

– Ну, таким уж он был.

– Похоже, Свифт произвел на вас впечатление.

– Так и было. Большого красавца в жизни не видывал. Высокий, с волевым подбородком – хоть в кино снимай. Только это еще не все – как он двигался, как себя подавал, как говорил! Ты чувствовал свою исключительность просто потому, что он рядом. Неудивительно, что бабы на него так и вешались.

– Правда?

– Так говорят.

– Тогда почему он пошел в священники?

– Без понятия. Но Байрон был религиозным. Даже слишком. Верил, что Иисус умер за нас... за всех нас, грешных. Притворством тут и не пахло.

– Вот как?

– Да, черт бы меня побрал! Он нечасто заводил речь о религии, но если уж заговаривал, то от сердца. Никогда не пытался меня обратить или как-то наставить на путь истинный, но сам и впрямь верил. Как будто только наполовину жил в этом мире, а второй половиной – где-то там. Перед охотой молился и после тоже, за убитых животных. Странное дело, была в нем какая-та святость, что-то не от мира сего.

– В чем это проявлялось? Поконкретнее объяснить можете?

– Да нет, куда там, просто впечатление. Из него вышел бы отменный святой исповедник. Я выкладывал ему то, в чем не признался бы ни одной живой душе. Можно сказать, он спас меня, помог вернуться к людям. До него я жил совсем отшельником.

– Как думаете, почему он застрелил тех людей у церкви?

От смешливой любезности Дедули не остается ни следа. Старик делается серьезным, вид у него потерянный.

– Не догадываюсь даже близко. Задумывался, конечно, голову ломал. Здесь в буше хватает времени на всякие мысли. Жалею, что не смог ничего для него сделать, не сумел все это предотвратить. – Дедуля отхлебывает большой глоток самогона и выдавливает желтозубую улыбку. – Только этим тут и занимаюсь – живу прошлым, пью вино и дрючу время от времени. Тусклое существование, да?

– А что вы думаете насчет того, что он якобы растлевал местных мальчишек?

– Чушь. Полнейшая чушь.

– Откуда такая уверенность?

– Порой по пьяной лавочке мы заговаривали об этом деле. Надо признать, ему было что рассказать. Но все касалось баб. Он интересовался бабами, а не детьми.

– Откуда такая уверенность? – повторяет Мартин.

– Нет, я, конечно, за ним по пятам не ходил, но послушали бы вы его истории... у вас бы глаза разгорелись. Такое не подделаешь.

Мартин призадумывается, слушая дребезжание хибары под порывами обжигающе жаркого ветра. Обводит взглядом однокомнатный домишко: импровизированную кухню с горами грязной посуды, неубранную кровать с пожелтевшим бельем, старые книги и горы всякой всячины.

– Харрис, почему вы здесь живете?

– А это уже мое дело. Хочу и живу.

– На кусок хлеба заработать получается?

– Получается. Не ахти что, но получается. Гоняем местный скот. Его тут в буше полно. Собрал стадо побольше – немного разжился. Но не теперь, не в такую засуху. Животина одна

кожа да кости, к тому же кишмя кишит паразитами. А вот придут дожди, созову команду, подзаработаем.

– Значит, вы тут один? Вы да ферма Крауна?

– Нет, нас здесь поразбросано. Армейский ветеринар и его бабенка живут чуть дальше по дороге. Этот Джейсон довольно приятный малый, только немного не дружит с мозгами. Замкнутый. Не знаю, почему его подруга еще не сбежала. Есть еще Харли Снауц на другой стороне в Истоках, плюс пара хижин да трейлеров там и сям. Городские иногда приезжают поохотиться.

– Харли Снауц? Так у него есть в буше участок? Часто встречаетесь?

– Нет, обхожу его десятой дорогой. Глаза бы мои его не видели после того, что он сделал.

– А что он сделал?

– Изнасиловал одну красивую девушку. Скотина.

В машине, атакуемой яростными порывами ветра, Мартин по дороге из Хея спускается в Риверсенд, пересекает длинный грохочущий мост над поймой и, уступив прихоти, сворачивает направо к церкви в надежде на случайную встречу с Люком, парнем, которого расстроил накануне. Но того нигде не видно.

Заехав задом под деревья, Мартин бросает взгляд на церковь по ту сторону дороги. Наверное, на том самом месте Джерри Торлини, беллингтонский торговец фруктами, поймал две пули – одну в голову и одну в грудь, – а Аллен Ньюкирк, сжавшись рядом, трясся от страха. Церковное крыльцо метрах в тридцати. Легкая мишень для стрелка калибра Байрона Свифта.

Мартин выходит из машины и осматривается. Святой Иаков стоит на отшибе и построен совсем просто, никаких украшений, с внешним миром его связывают лишь электрический провод да телефонный кабель. Входная дверь двустворчатая, затенена навесом над крыльцом. Сегодня она приоткрыта. Мартин поднимается по роковым ступенькам и толкает дверь. Может, Люк внутри?

В церкви темней, прохладней и намного тише, потому что нет ветра. Парня нигде не видно. Вместо него ближе к алтарю, во втором ряду скамей, застыла на коленях женщина. Молится.

Мартин обводит взглядом стены. Как и снаружи, никакого памятника погибшим в тот день. Он садится на заднюю скамью и ждет, наблюдая за незнакомкой и чувствуя, непонятно как, ее благоговение и искренность. Когда он сам в последний раз ощущал что-то похожее, хотя бы слабое подобие благодати? Дедуля, как и Мэнди, видел в Байроне какую-то святость – в человеке, любившем стрелять, убивавшем беззащитных зверушек, а потом и собственных прихожан!

А между тем сам он, Мартин, внутренне опустошен, хотя всего день назад спас от смерти подростка.

Он опускает взгляд на свои руки, складывает ладони, как в молитве, и смотрит на них. Словно чужие. Жест кажется для них неуместным, а он сам – неуместным здесь.

– Мистер Скарсен?

Та молившаяся женщина. Незаметно встала и пошла к нему. Фрэн Ландерс.

– Извините, – продолжает она. – Я, наверное, оторвала вас от молитвы?

– Не совсем.

– Все равно, извините, что вторгаюсь. Просто захотела поблагодарить за вчерашнее. Если бы не вы... со мной бы Джейми... – Она зябко передергивает плечами.

– Не переживайте так. – Мартин, поднявшись, касается ее плеча. – Ваш сын выжил, это главное. Остальное не важно. Вот и все, что вам нужно знать.

Фрэн согласно кивает.

– Как мальчик, кстати? – интересуется Мартин.

Она вскидывает на него взгляд, светящийся благодарностью.

– У Джейми все хорошо. Я провела с ним ночь. Он сейчас сам не свой. Сотрясение мозга, трещины в ребрах, смещение позвонков, но ничего особо серьезного. Ему просто надо отлежаться. Еще пара дней в беллингтонской больнице, на всякий случай. Сегодня утром я решила вернуться в город и открыть магазин. Сейчас там присматривает подруга, а мне просто захотелось прийти сюда и вознести хвалу Господу. Рада, что вы тоже здесь. Так я могу вас поблагодарить... и извиниться за то, как грубо вела себя тогда в магазине.

– Разве вы вели себя грубо?

– Мне так показалось.

– Фрэн, вы уж простите... как-то странно, что вы пришли молиться и возносить хвалу в эту церковь... после случившегося здесь.

– О чем вы? – Вид у нее смущенный.

– Ведь это здесь убили вашего мужа?

– Нет, не здесь. Не внутри. Понимаю, к чему вы клоните. Да, пожалуй, странновато. Я попробовала другую церковь, католическую, но это не то. А в Святого Иакова хожу с тех самых пор, как мы сюда переехали. Стоит зайти, и все в порядке.

– Простите, что спрашиваю, но вы в курсе обвинений в адрес Байрона Свифта... тех самых, из моей газеты...

– Я им не верю! – Фрэн обрывает его на полуслове.

– А почему? Откуда такая убежденность?

– Я знала Байрона Свифта. Вот откуда.

– Хорошо знали?

– Достаточно хорошо.

– Мне казалось, он не так уж часто бывал в Риверсенде.

– Но и не редко.

– Так что он был за человек?

– Добрый. Щедрый. Честный. Ничего общего с тем чудовищем, в которое его превратила ваша газета.

Мартин на мгновение теряется. В ее голосе звучит любовь к Свифту, глаза сверкают негодованием. Зачем ей защищать убийцу собственного мужа?

Фрэн прерывает молчание, уже остывая.

– Так или иначе, все это уже не важно. Байрона Свифта больше нет. Робби Хаус-Джонс застрелил его на здешних ступеньках прямо в сердце.

– Скажите, а ваш сын никогда ничего такого не говорил? Ну, про приставания к детям?

– Нет. Мне, по крайней мере. А теперь извините, я должна возвращаться в магазин.

– Конечно, Фрэн. Но хотелось бы поговорить с вами еще. Взять у вас интервью для своего очерка. Все вопросы будут о Риверсенде, как ему живется год спустя после трагедии. Можно рассчитывать на вашу помощь?

По глазам видно, как ей не хочется, однако негодование постепенно убывает.

– Конечно, – кивает Фрэн. – Я ваша большая должница. Вы спасли моего сына.

– Спасибо. Извините, что навязываюсь.

– Ничего. Я понимаю. Такая у вас работа. Сплошные убийства, сплошные смерти. Таким вот и занимаетесь. Но если бы не вы, я бы потеряла последнее. Лучше рассказать вам, чем Дарси Дефо.

Глава 7. Дракон

Мартин проезжает короткое расстояние между церковью Святого Иакова и «Оазисом», разворачивается и паркуется, следя, чтобы задний бампер не чиркнул по высокому бордюру. Тот в опасной близости, однако на сей раз все получается. Не забыть баварскую пивную кружку и книгу о путешествиях, купленную накануне. Кружка вымыта, книга прочитана до половины. Помогла скоротать «ведьмовские» часы ночи, когда самые проблемы со сном, а поиск новой позволит провести немного времени в магазине и спастись от дневного зноя.

Здесь не заперто, и хотя посетителей нет, приятно пахнет кофе и домашней едой. Словно по сигналу, из двери в дальнем конце появляется Мандалай Блонд и плывет по центральному проходу, привычно поддерживая рукой оседлавшего бедра малыша. Вид у нее одновременно материнский и сексуальный.

– Добрый день, Мартин! Говорят, вы теперь прямо герой.

– Да, не без того.

– Что ж, рада за вас. Город и так многие покидают, не хватало еще смертей для полного счастья. Вам что-нибудь принести?

Он протягивает кружку.

– Снова кофе, если можно. И чем это так вкусно пахнет?

– Маффинами. Яблоки с корицей и черничные. Сама пекла.

– Один с яблоком и корицей, пожалуйста.

– Вижу, вы принесли назад книгу. Очень хорошо. Положите ее на прилавок и на следующую получите скидку в пятьдесят процентов. Но сначала помогите мне кое с чем, ладно?

Проследовав за Мэнди по проходу, Мартин толкает вращающуюся дверь и оказывается в офисе, который одновременно служит складом. Дальше идет коридор, по сторонам двери: за одной – детская, за другой – спальня. Через щелочку виден угол старинной латунной кровати, книги, разбросанная одежда. В конце коридора – большая светлая кухня, где стоят широкий деревянный стол и две плиты – электрическая и рядом с ней старинная дровяная.

– Не возьмете? – Мэнди показывает на лоскутное одеяло посреди пола, придавленное детским манежем. – Отнесите, пожалуйста, в магазин.

Вернувшись, Мартин кладет одеяло на персидский ковер, туда же, где оно лежало вчера, и раскладывает манеж. Вскоре, прижимая к себе сынишку, появляется Мэнди и опускает его на одеяло.

– Приглядывайте за ним, Мартин. Кофе и маффин сейчас будут.

Сидя в старом кресле, он наблюдает за ребенком. Тот лежит на животике, силясь поднять голову, – получается что-то вроде младенческих отжиманий. Между бровей у малыша пролегла сосредоточенная морщинка. Мартин смотрит и невольно улыбается.

Мэнди возвращается с подносом. На нем пивная кружка с кофе, блюдец с маффином и кубиком масла и, как он и надеялся, ее собственный кофе. Будоража своей близостью, Мэнди ставит поднос на случайно выбранный столик рядом, берет свою чашку с кофе и садится напротив. Мартин в который раз дивится красоте новой знакомой.

– Как продвигается ваша работа? – спрашивает она. – Успехи есть?

– Пожалуй. Робби Хаус-Джонс дал интервью, и согласилась Фрэн Ландерс.

– Да, совсем неплохо. Убийца взбесившегося священника плюс убитая горем вдова. Великолепно. С кем еще вы успели пообщаться?

– Утром ездил в Пустошь. Поболтал с одним пожилым местным. Некто Дедуля Харрис.

– Дедуля Харрис? Ему было что сказать?

– Вы его знаете?

– Нет, но наслышана, что с ним случилось. Это ни для кого не секрет.

– Поподробнее можно?

– Ужасная история. Произошла много лет назад... еще до моего рождения, наверное. Харрис был управляющим банка в Беллингтоне. Забыла настоящее имя, вроде бы Уильям... не важно. Однажды его жена и маленький сынишка играли в парке у реки, прямо посреди города, а с дороги внезапно сошел грузовик и задавил жену Харриса. Кажется, у водителя сердце прихватило. Их сын, малыш всего трех-четырёх лет, протянул в больнице день или два. Для Харриса потеря семьи стала концом всему. Пару месяцев он держался, а потом эффектно слетел с катушек. Спятил. Его заперли в психушку, подвергли шоковой терапии, накачали лекарствами. Прежним он не стал. Вышел и перебрался в буш. Старый Снауц дал ему немного земли, где Дедуля с тех пор и живет. Отшельник и чудак, однако и мухи не обидит. Люди за ним приглядывают, привозят ему то-се... Такие дела.

– Старый Снауц? Кто это?

– Отец Харли Снауца, Эрик. Он умер несколько лет назад. Мой дедушка, если мама скажет правду.

– Вы, похоже, не так уж в этом уверены.

– О, мама никогда не врала, тем более в таких серьезных вопросах. Просто в детстве, когда я была недостаточно взрослой для правды, говорила, что где-то там есть мужчина по имени Харли, мой отец. Помнится, я мечтала, что он вернется в Риверсенд, и мы втроем станем настоящей семьей. Начнется идиллическая жизнь, и всякие гады заткнутся, выберут для насмешек кого-нибудь другого.

– Вас обижали в школе? Сделали из-за отца мишенью издевок?

– По сути, да. Снауц сидел в тюрьме, но многие были на его стороне. Мою мать обвиняли в том, что она все подстроила, задурила ему голову, вела себя как шлюха. Вы же знаете детей: кричат на людях то, о чем тайком шепчутся родители. В итоге матери пришлось мне рассказать, что произошло на самом деле, объяснить, почему меня обзывают.

Мартин не успевает ответить. Дверь магазина распахивается, и появляется Робби Хаус-Джонс, одетый в флюоресцентно-оранжевую спецовку. Он замирает на пороге и, неловко кивнув Мэнди, обращается к Мартину:

– Заметил твою машину. Рад, что ты здесь. Поехали, буш горит! – Разворачивается и уходит.

Мартин смотрит на Мэнди, та пожимает плечами.

Он следует за Робби на улицу, оставив маффин, но забрав кружку. Порывистый ветер приносит запах древесного дыма, как возле костра. Робби забирается в полицейский внедорожник, Мартин садится на пассажирское место.

– Ты ведь понимаешь, что я ничегошеньки не знаю о борьбе с пожарами?

– Не важно. Главное, держись поблизости, мы за тобой присмотрим. Нужна любая помощь. С прошлого года наши ряды поредели на добрый десяток.

– Как это?

Хмуρο посмотрев на Мартина, Робби переводит взгляд на дорогу.

– А ты как думаешь? Байрон Свифт, Крейг Ландерс, Альф, Том и Аллен Ньюкирки, Джейми Ландерс, хозяин пивной. Плюс еще нескольких засуха с места согнала.

Робби сворачивает на шоссе, подъезжает к пожарному депо. Перед открытыми воротами стоит новенькая пожарная автоцистерна, над картой, разложенной на капоте, склонились трое мужчин и две женщины в светящихся жилетах.

– Привез пополнение, капитан, – ухмыляется Робби, вместе с Мартином выбираясь из машины.

– Отлично, молодец. Здорово, Мартин! Добро пожаловать в команду. – Эррол, бармен из клуба, обменивается с ним шершавым, как наждачка, рукопожатием. – Робби, выдвигаемся. Выдай Мартину экипировку.

Команда начинает загружаться в машину. Робби ведет Мартина в сарай и находит ему флюоресцентно-оранжевую спецовку, кожаные перчатки, шлем и очки. Еще две минуты теряется на поиски кожаных башмаков на замену городским туфлям. Закончив, оба возвращаются на главную улицу, Хей-роуд.

– Куда едем? – спрашивает Мартин.

– В Пустошь. Огонь на равнине, подбирается к деревьям. Не успеем оглянуться, будет здесь. Постараемся сдержать его на шоссе, а там должны подоспеть команды из Беллингтона.

– Что насчет Пустошей?

– Кому до них дело? Дерьмовое местечко.

– А люди, которые там живут?

– Эвакуируем, если им не хватило мозгов убраться самим. Знаешь что-нибудь о пожарах в буше, Мартин?

– Я уже говорил: ничего.

– Первое и единственное: береги себя. В курсе, отчего гибнут люди при таких пожарах?

– Задыхаются в дыму?

– Нет. Так происходит, если горит дом, при городских пожарах. В буше смерть жаркая, чистая и простая. Температура огненного фронта – сотни градусов. Если тебя застигло на открытом месте – зажаришься живьем. Поэтому, что бы ни делал, не вставай на пути огня. Ты наверняка слышал, как прячутся в бассейнах, запрудах у ферм, баках с водой. Так вот, это не поможет. Вода не даст зажариться, но воздух настолько горячий, что невозможно дышать... легкие выгорят изнутри. Мы атакуем с флангов, не в лоб.

– Как отличить фланги?

Робби смеется:

– Смотри, где огонь. Откуда идет дым, куда дует ветер. Разберись, куда направляется пламя, не вставай у него на пути.

– Вроде довольно просто.

– Да, если не поменяется ветер. Огневой фронт может быть всего километр, а фланги растянутся на все пятнадцать. Стоит ветру повернуть на девяносто градусов – и у тебя пожар с пятнадцатикилометровым фронтом и флангом в один километр. Причем огонь направляется напрямиком на тебя.

– Жуть.

– Не волнуйся, сегодня такого случиться не должно. Метеорологи обещают северо-западный ветер на протяжении всего дня. Если застигнет пожар, ищи укрытие. Люди спасались тем, что ложились на пол машины и закутывались в шерстяные одеяла. Главное, чтобы окна не лопнули – может повезти. Огненный фронт уйдет через пять-десять минут, температура снова понизится. Пережди, и останешься в живых.

– Здорово. Что-нибудь еще?

– Да, поглядывай вверх. Избегай деревьев в огне, даже тех, что вроде прогорели. Ветки с них падают безо всяких предупреждений. И пей побольше воды, не жди, пока почувствуешь жажду. Обезвоживание опасно.

Они пересекают мост. С небольшого возвышения видно, как на северо-западном горизонте в ясное голубое небо поднимаются клубы серого дыма.

Еще километров через десять начинается Пустошь – чахлые акации тянутся по обе стороны дороги. Вот и поворот – тот самый, которым несколькими часами раньше воспользовался Мартин, когда ехал к Дедуле. Автоцистерна уже заняла позицию, рядом Эролл и какая-то солидного вида женщина из его команды разговаривают с местными.

Робби с Мартином выпрыгивают из внедорожника.

– А этого ты на хрена притащил? – кивком головы показывает на молодого констебля мужчина с длинными седоватыми волосами, собранными в жидкий хвостик.

На нем дырявая футболка, замасленная бандана, рваные джинсы и сапоги. Сбоку по шее поднимается грозного вида татуировка, в ухе – толстая золотая серьга. Рядом стоит миниатюрная женщина с зататуированными руками, одетая в футболку и джинсы, а возле нее – чоппер²² с удлиненной вилкой и гора сумок.

– Остынь, Джейс, – одергивает мотоциклиста Эррол. – Робби здесь, чтобы помочь.

– Ладно, но в мой дом без ордера чтоб ни ногой, пожар или не пожар.

– Договорились, – откликается Робби.

Эррол, покачивая головой, продолжает:

– Как бы там ни было, вы умно поступили, что сразу уехали. Дедуля еще дома?

– Угу. Мы с Шаззой²³ заскочили предупредить, но не нашли для него места на байке. Вашим парням не помешало бы забрать старикана.

– Это мы первым делом. Что насчет Снауца?

– А что? У него машина есть, сам о себе позаботится.

Эррол поворачивается к Робби.

– Ты не мог бы съездить за Дедулей? Возьми Мокси. Только не валяйте там дурака. Бери Харриса и что он унесет, а остальное брось.

– И чтобы ко мне ни ногой! – снова встречается мужчина с мотоциклом.

– Отвали, Джейсон! – рявкает Робби. – Не то обыщу вон те сумки.

Джейсон затыкается.

Робби и Мокси уезжают, а Мартин прослушивает краткий инструктаж. Его приставили помощником к неразговорчивому молодому парню по имени Луиджи. Луиджи будет управлять одним из двух брандспойтов цистерны, Мартин – следовать в нескольких метрах сзади и тянуть пожарный рукав. Подъезжает фермерский грузовик с цистерной, чтобы восполнять запасы воды. Над головой пролетает легкий вертолет, Эррол разговаривает по рации в кабине грузовика.

Тем временем дымовое облако опускается и растет, бледная голубизна неба теперь проглядывает лишь на юго-востоке. Впереди, метров через двадцать, а то и меньше, из зарослей на дорогу с шумом вылетает стадо в полсотни кенгуру. Ветер на мгновение стихает, и хлопья пепла черными снежинками начинают падать на землю.

– Так, всем сюда! – орет Эррол. – Пожар будет у нас примерно через пятнадцать минут, беллингтонские команды – минут через двадцать. Пламя движется быстро, но фронт пока узкий. Мы постараемся встретить огонь по дороге и не дать ему распространиться. Беллингтонцы направятся по Глондиллис-трэк сразу в буш к востоку от шоссе и пустят встречный пал. Как здесь закончим, либо объединимся с ними, либо объедем Пустошь и не дадим огню перекиннуться на равнину. Вопросы есть?

В ответ – тишина: солдаты перед боем. Снова поднимается ветер, сильнее, чем раньше.

Из кустов вырывается грузовичок Робби и, взметнув фонтанчик гравия, резко затормаживает перед автоцистерной. Мигалка на крыше рассыпает вокруг яркие всполохи.

– Снауц не появился? – выскакивая из машины, интересуется Робби.

– Не-а, – качает головой Эррол. – Уверен, что он не нажирается в городе?

– Нет, старый козел точно здесь. Проезжал мимо меня этим утром. – Дедуля Харрис выходит из внедорожника Робби. Одежда на старике разномастная и сидит скверно.

– Проклятье! – глядя на Эррола, говорит Робби.

– Проклятье! – Эррол, опустив голову, потирает лоб. – Черт бы его побрал!

– У Снауца есть машина. Сам выберется, – подает голос Шазза, сожительница Джейсона.

²² Чоппер-мотоцикл с ручную модифицированной рамой должен ассоциироваться с мотокультурой и особенно мотобандами.

²³ Шазза – сокращение от Шэрон, но чаще австралийский сленг: так пренебрежительно называют белых женщин.

– Нет, так дело не пойдет, – качает головой Робби. – Я его привезу.

Констебль бежит к внедорожнику. А за ним, сам не зная почему, – Мартин. Распахнув пассажирскую дверцу, он забирается на сиденье. Робби возится с зажиганием.

– Мартин, вылезай. Вылезай немедленно!

– Нет, я с тобой.

– Ну тогда ты конченный придурок. Держись. – Робби заводит двигатель, огибает пожарный грузовик и по грунтовой дороге несется в буш. – Мы его вернем, закинем в багажник – хрен выберется!

Мартин согласно крякает, и оба снова замолкают, погружаясь каждый в свои мысли. Между тем пейзаж за окном все больше напоминает сцену из Апокалипсиса, небо затягивают низкие клубы дыма, свет тускнеет, всюду падают клочья пепла, некоторые светятся оранжевым по краям. Сосредоточенно ведя машину по извилистой грунтовой дороге, Робби гонит во всю мочь, собственная безопасность отошла на второй план. За поворотом дорогу заступают два валлаби. Робби, не останавливаясь ни до, ни после, сбивает их с ног. Одно животное с грохотом отлетает от кенгурятника, второе сминают колеса. Руки Мартина впиваются в кресло, костяшки побелели. Робби с видом одержимого вглядывается сквозь сумрак. Небо черное, дымное облако висит так низко, что почти стелется по крыше грузовичка. День померк, света не осталось, они едут сквозь ночь, фары пронзают дым. Еще один поворот, и машина вырывается на расчищенное место. Мартин мысленно фиксирует детали: старенький «холден», приподнятый для ремонта, одно колесо снято. Сарай. Гараж. Насыпь у фермерской запруды. Дом. Снауц, который собрался поливать его из садового шланга, поворачивается при виде Мартина и Робби.

Они одновременно выпрыгивают из машины. Мартин бежит с молодым спутником плечом к плечу.

– В грузовик, живо! Уезжаем! – орет полицейский.

Снауц качает головой.

– Видишь? – Он показывает вверх.

Мартин поднимает взгляд. Вокруг бушует метель из пепла. Облака дыма, угольно-черные еще мгновение назад, превращаются в кроваво-красные, с каждым мгновением становясь все ярче, будто светятся изнутри, мир окрашивается в оранжевые тона. Издалека, перекрывая шум ветра, доносится грозный рев, точно прямо сюда направляется товарняк.

– В машину! – кричит Робби. – Заедем на середину запруды!

– Нет! – перекикивает рев Снауц. – В дом. Он из кирпича и камня. Так сразу не займется!

Робби кивает, и мужчины бегом бросаются в здание: первым полицейский, вторым журналист, следом – старый преступник. Рев почти рядом. Мартин слышит взрывы – словно щелчки кнута или винтовочные выстрелы, а добравшись до веранды, замечает через кустарник, что траву за ним уже лижет своими оранжевыми огненными языками смерть. Последним в дверь влетает Снауц со шлангом, с конца которого капает вода. Все трое вбегают в широкий центральный коридор с комнатами по обе стороны. В доме темно, если не считать свечения впереди.

Это дом Снауца, и старик берет руководство на себя.

– Я как мог промочил задний фасад, закрыл ставнями окна, однако веранда деревянная и опоясывает все здание. Займется тут же, конечно. Крыша жестяная, но какие-то угли рано или поздно попадут внутрь. Зато стены из кирпича и камня, толстые охрененно, так что шанс уцелеть есть. Вот. – Снауц обливает их из шланга, засовывает его носик им под спецовки и выдает обоим по мокрому полотенцу, чтобы положили под шлемы. – Начнем с заднего торца, сразимся с огнем, а как прижмет, отступим. Если пойдет дым, прикрывайте рты и пригнитесь. Выберемся тем же путем, как вошли, но давайте оттянем это как сумеем, лады?

Огненный товарняк врезается в дом сзади, все окутано оранжево-красной мглой, словно в брюхе дракона. Снауч упорно продвигается вперед, выставив шланг и распыляя перед собой воду щитом. Он будто одолевает прилив, а Робби и Мартин идут следом.

Кухня похожа на видение из адского кошмара. Огонь снаружи кажется Мартину живым – это змей, дракон, который хочет вломиться и сожрать их. Раковина полна воды, на полу стоят ведра с водой – Снауч подготовился. Жар неопиcуем, невыносим.

Робби с полным ведром идет из кухни в одну из комнат. От полицейского валит пар. В буквальном смысле слова.

Мартин смотрит на себя. Тоже пар. Насколько сейчас жарко? Снова струя воды. Хорошо, пусть промочит как следует. Он вскидывает глаза. Снауч обливает себя, а потом и Робби, вернувшегося с пустым ведром. Мартин тоже берет ведро, заходит в другую комнату и выплескивает воду на шторы, очень надеясь, что не разбил стекло. На окнах ставни, однако они кажутся прозрачными, словно огонь – это рентгеновские лучи, проникающие сквозь древесину так же легко, как обычный свет – через стекло и ткань занавесок. Быстрый взгляд вокруг. Опрятная комната: детская кроватка, кедровый комод, по стенам картины в золоченых рамах.

Снова кухня. Мартин раскидывает руки, подставляя себя под живительную струю из шланга. Сквозь окна и двери уже просачивается дым – от акаций в буше, от веранды. Пламя охватывает деревянные ставни, и Снауч плещет из шланга на оконные рамы. Другие ставни занимают в яростной оранжевой вспышке. Снауч заходит сперва в одну боковую комнатку, затем в другую, быстро поливая их водой. Кухня начинает наполняться дымом. Все трое отступают к коридору: сначала Мартин, потом Снауч, который обливает дверь с внутренней стороны, и наконец Робби, который ее закрывает.

Снауч смачивает дверь со стороны коридора, затем снова засовывает шланг под спецовку Робби, после чего проделывает то же с Мартином и с собой, перекрикивая громовой рев огня:

– Пламя перекинется с кухни на крышу! Пойдем к выходу из дома, чтобы не завалило! – Снауч собирается сказать еще что-то, и тут шланг отрывисто чихает. Воды больше нет. Они обмениваются мрачными взглядами. Через закрытую дверь кухни все сильнее веет жаром. – Огонь добрался до насосной. Фронт идет мимо нас, по меньшей мере в полусотне метров.

Все трое отступают по коридору. Робби забегает вперед и захлопывает входную дверь, заземляя бесполезный шланг. Снауч более медлителен, заглядывает в каждую из комнат вдоль коридора, словно прощаясь, и плотно закрывает двери. Впервые Мартину выпала возможность приостановиться и поразмыслить о доме. Стены толщиной сантиметров в тридцать, высокие потолки, полы из древесины каури²⁴, круговая веранда – не типичная для буша лачуга, не импровизация из рифленого железа, а усадьба девятнадцатого века. Сквозь приоткрытую дверь видны чинная гостиная, большой стол из полированного дерева, с десяток кресел, огромный буфет. Хрустальный графин, высокие граненые стаканы, люстра. И горящие ставни. Дверь закрывается. Еще одна комната – кабинет. На широком письменном столе из красного дерева – бумаги, перьевые ручки, чернильницы, линейки, маркеры и лупа. На боковом столике – компьютер и принтер. Старинные карты на стенах.

Снауч захлопывает дверь.

Они собираются у входа. Мартин снимает перчатку, прикладывает ладонь к двери. Горячо, возможно, горит с той стороны. Коридор начинает наполняться дымом.

– Прислушайтесь! – командует Снауч.

Мартин старается уловить что-нибудь сквозь рев пламени.

– К чему прислушаться?

– Уже не так шумно. Огневой фронт уходит.

²⁴ Каури – новозеландское хвойное дерево, встречалось уже примерно 150 миллионов лет назад во время юрского периода, древесина богата смолами и почти не гниет, не рассыхается.

Трое мужчин снова обмениваются взглядами, еще полными отчаяния, но уже затеплившимися надеждой. Осталось недолго. Дракон двинулся дальше, впереди манящая безопасность. Возможно, все обойдется. И вдруг, словно испепеляя надежду, за их спинами раздается оглушительный грохот. Это начала исчезать кухня, обвалился потолок. Снова грохот, и кухонная дверь распаивается, будто врата в ад. Сквозь лавину дыма жар ударяет в лицо, словно кулак.

– Сюда! – рявкает Снауц и, заведя их в боковую дверь, захлопывает ее за собой. Здесь что-то вроде салона, мебель стоит в чехлах. – Долго здесь оставаться нельзя. Крыша рухнет. Коридор займется с минуты на минуту. Половицам лет сто тридцать. Будем судить по боковому окну, по коридору. Если ставни или дверь загорятся, выскочим через вот это окно. Ясно? Веранда здесь мощеная, однако навес, возможно, в огне. Бегите со всех ног на подъездную дорожку и ложитесь лицом в землю, и подальше от машин, дома и остального, что способно воспламениться. Усекли?

Робби и Мартин кивают.

Дом вопит, оплакивая свой скорый конец: скрежещет сталь, взрывается древесина, ревет огонь, заглушая шаги удаляющегося дракона. Мартин под спецовкой весь мокрый, но на лице кожа сухая, как бумага. Лица других покраснели, как от солнечного ожога. Ставни на боковом окне начинают дымиться и медленно, будто неохотно, загораются. Из-под закрытой двери в коридор тянет дымом. В горле саднит, Мартин давится безудержным кашлем.

Снауц срывает штормы, за которыми – путь к побегу. Сняв перчатку, на долю секунды прикасается к стеклу, затем – снова, уже дольше, и еще раз, теперь уверенно кладя на него руку. Затем оборачивается и ободряюще кивает.

– Когда я открою окно, сквозняком втянет огонь внутрь. Мешкать нельзя. Разбивайте ставни. Запор должен легко поддаться. Робби, ты первый, Мартин – следующий. Готовы?

Оба опять кивают.

Снауц готов поднять нижнюю створку, однако замирает. Затем бежит на другой конец комнаты за кожаной оттоманкой и ставит ее под окно. Похоже, он хочет что-то сказать, но ему мешает ужасный скрежет измученного дерева и железа, за которым следует оглушительный грохот: обрушилась еще одна часть крыши. Снауц дергает окно: застряло. Робби с Мартином бросаются на помощь, но второй рывок Снауца оказывается успешнее. Робби, перевесившись через подоконник, ударом ладони распаивает ставни. Смотреть не на что: просто стена из дымовых клубов, прорезанных вкраплениями оранжевого. Робби свешивает ногу в пустоту за окном, опирается на Мартина и свешивает вторую, после чего, поморщившись, прыгает в неизвестность и исчезает. Мартин, не теряя времени, встает на стул, шагает на подоконник и спрыгивает, почти падает, на веранду, обдирая спину. А затем, продолжая безудержно кашлять, бежит в дымное облако. Метра через три он плюхается на подъездную дорожку, перелезев на нее с края веранды через верхушку дымящегося куста. Опускает лицо и делает вдох, стараясь унять кашель. Овладев собой, бежит дальше на полусогнутых ногах. Мир за стеклами очков постепенно становится четче. Полицейский внедорожник объят пламенем. Мартин огибают его, выбирается на открытое место и, бросившись на гравий, утыкается лицом в обтянутые перчатками руки. Вокруг шумно, светло и дымно. Он лежит, не двигаясь, в голове от страха не осталось ни одной мысли.

Робби, пьяно покачиваясь, сидит на стуле в боулинг-клубе «Риверсенд» и болтает заплетающимся языком. Мартин Скарсенд рядом, напротив, трезв, как стеклышко, хоть и пил вровень со своим более молодым собутыльником. Первое пиво словно испарилось, почти мгновенно исчезнув у них в желудках, а потом обоих было не остановить. Правда, никто и не пытался, ведь те, кто обвел смерть вокруг пальца, вправе расслабиться. К тому же остальная пожарная команда не отстает. Эррол, как капитан, собрал своих людей здесь для разбора поле-

тов, а Эрролл, как президент клуба, дал добро на бесплатную выпивку для героев из буша. Вначале все сидят тихо и задумчиво, затем воспоминания о дневных ужасах сменяются радостным возбуждением выживших, и пожарные шумят все сильнее.

– Черт, ребята, я думала, вам крышка, – в сто первый раз говорит Мокси, качая головой. – Огневой фронт достиг дороги, а вы так и не вернулись. «Ну все, хана», – подумала я.

Она ни к кому конкретно не обращается, и никто больше ее не слушает, но она все равно повторяет свой рассказ:

– Никогда не забуду, как мы подъехали к дому, а вы там, все трое, просто сидите и ждете. Никогда этого не забуду. Кто сказал, что чудес не бывает?

Робби наклоняется вперед и закидывает на плечо Мартину руку, а второй поднимает бокал.

– Вот, за Мартина, мать его, Скарсдена. Он приехал, чтобы спасти нас всех!

Рассмеявшись собственному тосту, констебль, причмокивая, отпивает еще пива, проливая себе на рубашку. Некоторые члены команды поднимают бокалы и со смехом пьют.

Наверное, на тост в честь герпеса они бы так же реагировали, думает Мартин: сегодня все пьют, никто не судит других.

Пожарная команда, до сих пор в огнеупорных спецовках, рассредоточилась вокруг пары столиков. Там и сям валяются сброшенные шлемы, перчатки и очки. В зале не только пожарные, но и горожане, прибывшие послушать о драматичных событиях дня. Дедуля Харрис, не пожарный и не горожанин, сидит один, тихо потягивая виски из большого стакана. Похоже, он плачет. Кто-то ободряюще хлопает его по спине, проходя мимо, однако поговорить не останавливается.

Гул становится громче, в зал вваливается команда пожарных из Беллингтона. Риверсендские борцы с огнем, пошатываясь, встают.

Улыбки, смех, обмен рукопожатиями и шлепками по спине, запах древесного дыма, затмевающий все. Столы сдвигаются, стулья и кресла подтягиваются. Эрролл в баре заказывает бокалы для новоприбывших. Мокси снова заводит свой рассказ:

– Черт, я думала, этим ребятам крышка...

Мартин смотрит в окна, выходящие на пустую реку. Почему-то снаружи настала ночь, хотя еще миг назад был день.

Новоприбывшие прихлебывают пиво и рассказывают о собственных битвах с огнем. Оказывается, пожар замедлился благодаря шоссе, риверсендская команда сузила фланги, а беллингтонцы прибыли к Глондилис-трэк и пустили встречный пал, который успел остановить там огненный фронт, после чего ликвидировали большинство очагов возгорания в буше. Вторая команда сейчас заканчивает работу, еще одна будет присматривать за пламенем в ночи. Если не пойдет дождь, угли могут тлеть неделями.

Неожиданно для себя Мартин тяжело приваливается к барной стойке рядом с Робби.

– Думаешь, мы правильно оставили Снауца там на ночь?

– Конечно. Это его дело. Хотел бы, приехал в город. Ты сам его слышал.

– Угу, и все равно. Он лишился всего.

– Твоя правда.

– Кстати, а что с его домом? Ты обратил внимание? Хоромина была еще та.

– Да. Я знал, что у него в Пустошах есть усадьба. «Истоки». Вот уж не ожидал встретить такой дом. Тебе придется поспрашивать местных.

– А ты разве не местный?

– Еще чего не хватало! – смеется Робби. – Я здесь всего четыре года. Чтобы считаться местным, нужно десять. Для копов срок удваивается.

– А для журналистов удваивается еще раз, – улыбается Мартин. Он тянется к кувшину на барной стойке и наполняет бокалы. – А ведь старикашка не промах. Помнишь, как он нами руководил? Весьма неплохо для старого пьянчуги.

– Да, сам удивляюсь.

Оба отворачиваются от веселой компании к бару.

После долгого молчания Робби заговаривает снова, тихим голосом:

– Зачем Байрон так поступил? Почему застрелил тех людей? До сих пор не понимаю.

– Я тоже, Робби, я тоже.

– Как думаешь, мы когда-нибудь узнаем?

Мартин вздыхает.

– Может, и нет.

Они стоят молча, им больше не до пива, оба погружены в раздумья. Мартин бросает взгляд на полицейского. Уткнувшись в бокал, тот выглядит очень юным. Да Робби и в самом деле такой. Хочется как-то помочь, но, наверное, не стоит прерывать ход его мыслей.

В конце концов Робби поворачивается к Мартину. Опынение с него уже слетело.

– Он кое-что сказал.

– Кто?

– Байрон. Перед тем, как я его застрелил.

– Ты говорил. Что-то вроде того, что он тебя ждал.

– Не только это. Было кое-что еще.

– Продолжай.

– Ты не вправе меня цитировать или ссылаться на полицейские источники, однако эта информация все равно через месяц-другой всплывет во время дознания. И в городе есть люди, которые уже знают. Рано или поздно ты и без меня выяснишь.

Мартин ждет.

– Перед тем как поднять винтовку и выстрелить, Байрон сказал: «Харли Снауц знает все».

– «Харли Снауц знает все»? Что именно?

– Не могу сказать, сам без понятия. Его допрашивали. Дотошно. Но, как я уже говорил, я не участвую в этом расследовании.

– Как думаешь, что Свифт имел в виду?

– Понятия не имею. Если старик что-то пронюхал, он не скажет ни мне, ни кому бы то ни было еще. Даже близко не догадываюсь, черт побери! – Молодой полицейский смотрит в свое пиво, Мартину сказать нечего.

В баре за спиной вдруг повисает тишина, Мартин оборачивается. Всего в нескольких шагах стоит Мэнди Блонд. На ней джинсы и белая блузка, чистоту которых подчеркивает грязная от сажи, прокопченная экипировка пожарных команд.

– Привет! – здоровается Мартин.

– Привет, Мартин! – отвечает Мэнди.

Робби поворачивается на ее голос.

– Привет, Робби! – Она шагает к ним, целует Робби в губы, а затем так же поступает с Мартином, и отступает, держа обоих за руки. – Спасибо вам! Спасибо, что его спасли.

Мартин через ее плечо бросает взгляд на столик, откуда на них, но не совсем на них, глазеет Дедуля. Похоже, он засмотрелся на попку Мэнди.

– Не Дедулю, Мартин, – поясняет констебль. – Харли Снауца.

Глава 8. Преследователь

Мартин снова в секторе Газа, но на сей раз багажник почему-то пахнет хорошо, в нем тепло, темно и спокойно. Снаружи, жалуюсь на несправедливость мира, плачет какой-то ребенок, а внутри кокона безопасно. Дремотно перевернувшись, Мартин вдруг ни с того ни с сего получает удар под ребра. Сонливость тут же слетает, но сначала кто-то успевает пнуть его в живот. Он в страхе и, даже открыв глаза, не сразу понимает, что находится в кровати... в широкой кровати.

Мэнди смотрит на него и посмеивается.

– Какого чер?.. – начинает Мартин, и в этот миг получает очередной удар. Между ними ребенок, и он размахивает пухлыми ножками.

– Лиам. По утрам сын обычно со мной, – снова смеется Мэнди.

– Ну и ну, бьет копытами, точно мул, – потирает ребра Мартин.

– Такой уж он у меня.

Позднее, во время завтрака за кухонным столом, мозг у Мартина неохотно включается. Состояние выжатое: измучен борьбой с огнем, осоловел после обильных пивных возлияний, счастлив, что спал с Мэнди. Он баюкает в руках кружку кофе, наслаждается маффинами, проглатывает болеутоляющее, чтобы избавиться от первых звончков похмелья. Хочется просто посидеть, насладиться мгновением, подождать, пока успокоится желудок, однако в голову лезут мысли.

– Мэнди, насчет вчера...

– У тебя жалобы?

– Нет, конечно, нет! Черт, нет.

На ее губах дразнящая улыбка.

Мартин понимает, что находится не в самом выгодном положении. В положении мужчины, который намного старше и связался с невозмутимой молодой красавицей. И все же он не сдастся:

– Я не понимаю.

– Ты о чем?

– О Харли Снауэче. Мне казалось, ты его ненавидишь. А вчера ты вроде была благодарна, что мы с Робби его спасли.

Мэнди долго молчит. Ее глаза влажно блестят, между бровей залегла тоненькая морщинка.

– Знаю. Странно, да?

– Не то чтобы...

– Просто мне порой хочется, чтобы все было иначе. Как в моих детских мечтах.

– Мэнди, детство прошло.

– Знаю. Как думаешь, что мне делать?

– Серьезно?

– Серьезно.

– По-моему, тебе лучше уехать из города. Если обвинения твоей матери не напраслина, Лиаму незачем такой дедушка. Тебе надо думать о сыне.

Мандалай Блонд молчит.

Как только Мартин покидает магазин, возмездие за вчерашнее пьянство обрушивается на него во всю мощь. Он шурится на залитый палящим светом Риверсенд, и голова раскалывается. Шагает под адский зной на Хей-роуд, желудок начинает крутить. Город провонял древесным дымом, но запах больше не кажется приятным. Мартин забирается в машину, припарко-

ванную там же, где и вчера. К счастью, та стоит в утренней тени, отбрасываемой магазинными навесами, и за ночь остыла. На переднем сиденье лежит бутылка воды. Мартин делает глоток. Горлу от воды приятно, но в желудке начинается революция.

Вернувшись в «Черного пса», он встает под душ и, дав хороший напор, пытается изгнать навязчивый запах дыма хлорированной болотной водой Риверсенда. Затем пробует вымыть волосы дешевым шампунем из мотеля. С третьей попытки под сильной струей последнее более-менее удается. Мартин смотрит на руки, не удивляясь тому, как быстро сморщилась кожа на кончиках пальцев. Почему-то, несмотря на похмелье и усталость, он впервые за многие годы чувствует себя по-настоящему живым. Интервью с Робби, спасение Джейми Ландерса, собственное спасение от огненной смерти, ночь с Мэнди. Почему-то в этом высушенном городишке кровь вновь начала быстрее бежать по жилам. Промокнув полотенцем лицо, Мартин оценивает отражение в зеркале. Глаза красные от дыма и алкоголя, но на солнце кожа приобрела нормальный цвет и, несмотря на небольшие бульдожьих щечки, от щетины линия подбородка выглядит четче. Он пытается улыбнуться, остается доволен увиденным и улыбается по-настоящему. Пусть и не тот лихой молодой спецкор, что когда-то, но и не такой уж старый хрыч. Возможно, всего лишь возможно, теплое отношение Мэнди вызвано не одной благодарностью.

Мартин раздумывает над очерком, ради которого сюда послан. Требуется охарактеризовать Риверсенд год спустя, но, пожалуй, можно будет написать что-то получше, сделать упор на другое. Рассказать не просто о том, как город восстанавливается после трагедии, а о городе, расколотом противоречивыми воспоминаниями о своем пасторе. Этот человек был массовым убийцей и предполагаемым педофилом, тем не менее многие отзываются о нем с любовью. Интервью с Робби Хаус-Джонсом все равно останется основой или, по крайней мере, первой половиной очерка. И кто знает, на какие откровения решится Фрэн Ландерс, раз уж согласилась поговорить?

Как ни странно, хотя Свифт застрелил пятерых, все равно находятся те, кто поет ему дифирамбы: Дедуля, мальчишка у церкви, Мэнди. Однако есть и готовые осудить, например, Харли Снауц и Робби. Что-то тут не вяжется. Непонятно, почему священник устроил кровавую бойню. Свихнулся, решил заткнуть рот тем, кто хотел обвинить его в шашнях с детьми, либо третья причина?

Общительный молодой человек пользовался любовью и щедро отдавал себя другим. И вместе с тем был любителем пострелять, выпить и покурить травки. К тому же растлевал малолетних, согласно той премированной статье Дарси Дефо. Возможно, коллега где-то и позволил себе вольности, но выдумывать такое не стал бы. Информация наверняка поступила из надежного источника.

Итак, наш молодой человек жил двойной жизнью. Однако ни Мэнди, ни Дедуля, ни Люк не верят обвинениям. Что дальше? Почему Байрон Свифт перед смертью сказал, что Харли Снауц все знает? И что именно знает Снауц? Допустим, Снауц был в курсе делишек с детьми, но зачем убивать пятерых обвинителей, а потом последними словами направлять полицейского к старику? Сплошные неувязки.

Мартин смотрит на часы: полдесятого, целый день впереди. Голова соображает, но похмелье мучает все сильнее, и вместе с жарой растет усталость. Он проглатывает две таблетки болеутоляющего и забирается в постель – лучше отдохнуть.

В одиннадцать он просыпается, чувствуя себя чуть ожившим. Зато за окном стало еще хуже. Ветер слишком слаб, чтобы раздуть очередной пожар, однако все так же горяч, так же сух, так же полон гари. Черное облако из буша развеялось по всему городу; дым не дает никакой тени, никакой защиты от солнца. Такое чувство, что оно печет еще сильнее.

В машине жарко и душно, хоть она и стояла под навесом. Мартин снова выбирается на шоссе, сворачивает налево и проезжает главную улицу с горсткой открытых магазинов, решивших в кои-то веки поработать. С улыбкой миновав книжный, он заруливает на длинный мост.

Через десять минут впереди показывается развилка, у которой днем раньше собрались пожарные. Змеистая грунтовка ведет на северо-запад в буш, мимо разномастного сборища почтовых ящиков. Справа от дороги дымится почерневшая растительность, слева она почти не тронута. Именно здесь люди Эррола сдерживали фланги пожара. Мартин останавливает машину, делает телефоном несколько снимков и трогается дальше.

Вскоре по обе стороны дороги уже тянется выжженный буш. Насколько разумно тут быть одному? Впрочем, наверное, все, что могло сгореть, уже сгорело. Вокруг змеятся струйки дыма. Вчера в клубе кто-то говорил, что акации могут тлеть неделями, даже месяцами, корни выгорают под землей, а наверху это почти незаметно. Потушить огонь раз и навсегда способен лишь хороший дождь. Мартин поднимает глаза на мертвенно-бледное небо. Да уж, Второе пришествие и то вероятнее, чем ливень. После пожара на лесистых участках совершенно нет тени, черные курящиеся стволы стоят без листвы.

Он добирается до решетки для скота. Один столб целехонек, выбеленный ветром и солнцем череп на месте. От второго остался только почерневший пенек, черепа нигде не видно. Мартин понимает, что свернул не туда и сейчас оказался на дороге, которая ведет к дому Дедули, но выбирается из машины, решив сфотографировать перекресток. В нос сразу шибает горелым – будто кто-то спалил барбекю. Он видит то, что не заметил, сидя за рулем: скот, который из-за ограды оказался в огненной ловушке и погиб. Над обугленными, раздувшимися на солнце тушами роятся мухи.

Мартин направляется к горе трупов, решив облагородить ее фотографированием, однако желудок не выдерживает, извергая свое содержимое на песок и в пепел. Мартин возвращается к машине, и там его рвет снова. Спрятавшись в своем кондиционированном убежище, он прополаскивает рот водой из бутылки, выплевывает за дверь и с предельной осторожностью разворачивается на сто восемьдесят градусов, не желая застрять в этом месте. Где угодно, только не здесь. Головная боль, которая после сна в мотеле было отпустила, назойливо напоминает о себе.

Мартин находит развилку и сворачивает к дому Снауца, в «Истоки». Машина осторожно ползет по той самой дороге, которую меньше суток назад на смертоубийственной скорости проходил Робби. А вот и след, оставленный пожарной командой, которая приехала тогда за ними: распилено и оттащено в сторону упавшее дерево. Пейзаж монохромен: черные пни, серый дым, белый пепел. Даже небо, еще затянутое дымом, скорее серое, чем голубое.

Наконец показывается усадьба Снауца или, точнее, ее остатки. Справа высится насыпь запруды и стоит металлический гараж, не задетый огненным вихрем, все остальное разрушено. Мартин паркуется рядом с опаленными остовами полицейского внедорожника и старенького «Холдена», обугленные колеса которого все еще подняты на подпорках. Дом превратился в курящиеся руины: уцелело крыльцо и три кирпичных дымохода, но сами печи теперь под открытым небом. Стены из кирпича и камня по большей части выстояли, что лишний раз доказывает их прочность, пусть даже несколько участков обрушилось. В целом все выглядит как сцена с театра военных действий.

Мартин обходит периметр. Ближе к концу здания, в кухне, где он сам, Робби и Снауц отражали первую атаку огня, стоит железная плита, а все, что было сделано не из стали, камня и дерева, сгорело дотла. Повсюду разбросаны куски покореженной кровельной жести, часть упала внутри руин, часть разметана по двору, словно конфетти апокалипсиса. Слышно, как дребезжит на ветру рифленый металл, но в остальном тихо.

– Снауц?! – кричит Мартин, возвращаясь к гаражу.

Старик внутри. С гаечным ключом он возится в потрохах старенького мерса. Машине по меньшей мере сорок лет, но ярко-голубая краска довольно свежая. Шины сдуты.

– А, это ты. – Снауц выпрямляется и, держась за поясницу, разминает затекшие мышцы.

– Как вы? – спрашивает Мартин.

– По правде говоря, совершенно обычно, пропади оно все пропадом. У тебя воды, слушаем, нет?

– Есть, конечно. – Мартин возвращается из машины с тремя большими бутылками минералки и отдает их Снаучу.

– Спасибо. – Открыв воду, Снауч осушает сразу половину. – Спасибо. Так значительно лучше. В запруде полно пепла.

– Славная у вас машина.

– Это пока не машина, ее еще отремонтировать надо.

– Как давно вы на ней не ездили?

– Не помню. Лет, наверное, тридцать. Отцовская. Мой старик умер пять лет назад.

– Ну, тогда вам не помешает помощь. Аккумулятор явно сдох. Моторное масло тоже понадобится заменить, а заодно, думаю, коробку передач и блокировку дифференциала. Плюс новые шины.

– Угу. Сам знаю. Просто решил таким образом убить время. Ждал гостей. Табачку не найдется?

– Нет. Я не курю.

– Проклятье! Никто больше не курит!

Оба отходят от машины. Снауч садится на край тракторного колеса. Мартин подтягивает старый ящик из-под фруктов. Хозяин сгоревшей усадьбы отхлебывает еще глоток. На старике до сих пор вчерашняя одежда, провонявшая дымом и потом. Лицо черное от сажи. Глаза красные, с потеками слез.

– Спасибо, что заехал.

– Пустяк.

Интересно, снова думает Мартин, сколько Снаучу лет? На вид определить сложно. Вроде под шестьдесят, однако, сражаясь с огнем, он двигался с проворством куда более молодого человека.

– Что думаете теперь делать? – спрашивает Мартин.

– Не знаю. Стану во дворе лагерем, пока не поступит страховка.

– Вы застрахованы?

– Да. Тебя это удивляет?

– Есть такое.

Старый бродяга, алкоголик и, по слухам, бывший заключенный... человек, который в городе на положении отщепенца. Однако, вместе с тем, жил в красивой старинной усадьбе, причем поддерживал ее в хорошем состоянии и застраховал. Ездил на старом «холдене», но в гараже у него стоит винтажный «мерседес».

Мартин оглядывается. Гараж – отнюдь не пыльная реликвия. Верстак, на стене – щит с инструментами. Некоторые старые и побиты ржавчиной, но другие выглядят ухоженно; видно, что ими пользуются.

– Снауч, этот дом... ваш дом... он был впечатляющим.

– Угу. Был, да сплыл.

– Семейная усадьба?

Смерив Мартина взглядом, Снауч отхлебывает воды и отвечает:

– Точно. Усадьба «Истоки», предки основали в 1840-м. Сам дом построен в 1880-м. Делали на века. Когда я сюда переехал, он пустовал. Я его реставрировал. Сам виноват, что все пошло псу под хвост. Надо было сильнее вырубить деревья. Глядишь, и стоял бы до сих пор.

– Вы здесь выросли?

– Отчасти. Здесь и в Джилонге.

– Почему вы сохраняли ваш дом? Почему не продали, не уехали куда-нибудь?

– А зачем? Это все, что у меня есть. Точнее, было. Все, что я мог бы после себя оставить.

– Оставить? Но кому?

– А сами как думаете?

Вместо ответа Мартин поднимает вопрос, ради которого приехал:

– Вчера вечером в клубе я разговаривал с Робби Хаус-Джонсом. Он довольно сильно напился.

– Не могу его за это винить. Я бы и сам с радостью напился в стельку, только все спиртное сгорело в огне. Может, от взрыва крышу и снесло.

– Робби рассказывал о событиях того дня, когда застрелил Байрона Свифта. Перед смертью тот говорил, что вы все знаете.

– Угу, так утверждают копы.

– Что священник имел в виду?

Снауц глубоко вдыхает через нос. Губы поджаты. Он явно злится.

– А хрен его знает! Легавые спрашивали у меня то же самое тысячу раз. Что тот жирдяй Уокер из Беллингтона, что сиднейские детективы. Без понятия. Но слова Свифта сослужили мне плохую службу, это я могу тебе сказать совершенно бесплатно. Прикинь, они решили, что и я причастен к делишкам с детьми! Все не могли поверить, что я даже не догадываюсь, о чем он толковал.

– Но вы знали его... преподобного Свифта?

– Да, немного. Мы уже говорили на эту тему тогда, в салуне.

– Почему же он втянул вас в это дело, сказал, что вы все знаете?

– Без понятия. Уже год ломаю голову, но до сих пор даже не догадываюсь.

Мартин призадумывается над ответом. М-да, недалеко он продвинулся.

– Ладно, а что вы рассказали копам? Как отмазались?

– Ты, Хемингуэй, видать, плохо их знаешь!

– К чему вы клоните?

– Копам платят за то, что они распутывают преступления и ловят преступников. Тут же преступление уже было распутано, а преступник мертв. Дело закрыто.

– Дело закрыто? Кровавое убийство пятерых человек?

– Конечно. Коронер все равно сунет нос в каждую дырку, но не копы. Им насрать. Дело закрыто. Мерзавец мертв, застрелен в сердце городским шерифом. Чем не «Ровно в полдень»?²⁵

Мартин разглядывает Снауца. Лицо грязное от сажи, глаза красные и слезятся, однако руки лежат на коленях совершенно спокойно, никакой дрожи.

– Харли, скажите, а Мэнди Блонд ваша дочь?

– Нет, вряд ли.

– Она так считает.

– Да, я знаю. Так мать ей говорила. Кэтрин уверяла, что я ее изнасиловал и маленькая Мандалай – результат. Все это полная ахиня, но девчонка, естественно, поверила матери.

– Если Мэнди не ваша дочь, почему вы передали это место для нее в траст?

Во взгляде Снауца что-то мелькает – возможно, боль? Он на мгновение зажмуривается, а когда открывает глаза, Мартин читает в них грусть.

– А вот это не твое дело, сынок.

– Но вы сделали из дома конфетку. Я сам видел. С чего бы, если вам на Мэнди начхать?

– Господи боже мой! Я тебя неверно назвал. Ты не Хемингуэй, ты гребаный Зигмунд Фрейд.

– Если Мэнди не ваша дочь, зачем вы за ней подглядываете?

²⁵ «Ровно в полдень» (англ. High Noon) – американский черно-белый вестерн; по сюжету банда злодеев застрелена городским шерифом.

– Подглядываю? Она так сказала?

– Да, говорит, вы шпионите за ней из винного салуна.

– Правда?

– Ну, так что? Зачем бы вам за ней следить, если она не ваша дочь?

– Знаешь, Зигмунд, это ты у нас психоаналитик... вот ты мне и скажи. – Снауц в упор смотрит на Мартина, в глазах – вызов.

– Ладно, Харли, вот что я думаю. По-моему, ты очень несчастный и больной на всю голову старый говнюк. И еще: с сегодняшнего дня можешь больше не пожирать ее глазами из своего салуна. Дай девочке шанс. Ясно?

Первая реакция Снауца – гнев. Он вспыхивает в глазах, на мгновение даже становится страшно, что старик может наброситься. Однако гнев исчезает почти столь же быстро, как появился, напряженность взгляда слабеет. Снауц кивает. Мартин рад: угроза возымела действие. Но что это? Из глаз старика катятся слезы, прочерчивая дорожки на покрытом копотью лице.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.